

A movie poster featuring three characters in a medieval setting. On the left, a man with a beard and a crown, wearing a fur-trimmed cloak, looks towards the center. In the middle, a woman with long brown hair, wearing a white crop top, blue jeans, and a black leather jacket, looks to the right. On the right, a man with long brown hair, wearing a brown tunic, looks towards the center. The background shows a stone building with a stained glass window and a castle in the distance. The title is written in large, ornate gold letters at the bottom.

МАРГАРИТА ФУАРО

ДЮПАДАНКА

ПРЯМО В СЕРДЦЕ
КОРОЛЯ

Маргарита Фуаро

Попаданка прямо в сердце Короля

<https://litres.ru/74205628>

Аннотация

♥#БЕСПЛАТНАЯ♥# Она не мечтала о другом мире. Не просила второго шанса. И уж точно не хотела оказаться там, где женщина - лишь вещь, а страх - норма.

Арина, 32 года, современная женщина с опытом, разумом и характером... просыпается в холодном каменном колодце - в мире, где нет ни прав, ни объяснений, ни пути назад.

Средневековые встречает её грязью, болью и чужими взглядами. Здесь нельзя говорить лишнего. Нельзя быть слабой. Нельзя быть собой.

И хуже всего - нельзя смотреть на короля так, как она смотрит. Он - власть. Он - опасность. Он привык, что ему не отказывают.

Но в ней - что-то, что он не может сломать. И это начинает его разрушать.

Между ними - пропасть из статусов, законов и страха. Каждый шаг навстречу - риск. Каждый взгляд - вызов.

Это не сказка о любви. Это история о том, как легко потерять себя... и как опасно - почувствовать.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	31
ГЛАВА 3	58
ГЛАВА 4	81
ГЛАВА 5	102
ГЛАВА 6	123
ГЛАВА 7	141
ГЛАВА 8	181
ГЛАВА 9	202
ГЛАВА 10	223
ГЛАВА 11	244
Конец ознакомительного фрагмента.	257

ГЛАВА 1

Утро в Химках всегда начиналось одинаково.

Серое небо висело за окном так низко, будто город каждую ночь пытался накрыться им с головой и забыться, но к утру всё равно просыпался — усталый, помятый, равнодушный. Свет не входил в комнату, а просачивался сквозь занавески мутной полосой. Он не грел, не обещал нового дня, не радовал. Просто обозначал: ночь закончилась, пора снова вставать.

Снизу тянулся шум машин.

Глухой, постоянный, привычный.

Когда-то Арина замечала его. Раздражалась, закрывала окна, ворчала, что вечно кто-то сигналиит у дома, что мусоровоз приезжает слишком рано, что люди разучились жить тихо. Теперь шум стал частью квартиры. Как холодильник. Как трубы. Как собственное дыхание.

Будильник звонил ровно в 7:00.

Не мелодией.

Сигналом.

Коротким, резким, безжалостным.

Арина не открывала глаза сразу.

Лежала.

Секунду.
Две.
Иногда — дольше.

Не потому что надеялась уснуть снова. Нет. Сон уже ухо-

дил, как уходит вода из раковины — быстро, с тихим неприятным звуком. Просто в эти несколько секунд между сном и реальностью ещё можно было не вспоминать, кто ты, где ты и зачем тебе вставать.

Потом всё возвращалось.

Потолок.

Белый.
Ровный.
Скучный.

Она смотрела на него каждое утро и почти всегда ловила одну и ту же мысль.

Это всё?

Мысль была не громкой. Не истеричной. Не такой, от которой хочется вскочить, разбить кружку, уволиться, купить билет куда-нибудь в горы или к морю.

Нет.

Она приходила тихо.

Как сквозняк под дверью.

Это всё? Работа, дом, магазин, отчёты, сон, снова работа? И так — пока однажды просто не станет сил вставать?

Арина моргала.

И гасила мысль.

Как гасят экран телефона.

Нельзя начинать утро с таких вопросов. Они не помогают почистить зубы, налить чай и вовремя выйти на работу.

Она вставала автоматически.

Тело знало маршрут лучше, чем сама Арина хотела его

знать.

Ванная.
 Кухня.
 Чайник.
 Кружка.
 Телефон.
 Открыть окно на щёлочку.
 Закрыть, потому что холодно.
 Проверить время.
 Проверить почту.
 Ничего важного.

Никаких решений.

Никаких усилий.

Просто последовательность, в которой каждый шаг уже давно был отработан до пустоты.

Чай остывал быстрее, чем она его пила.

Она садилась у окна, поджимала под себя одну ногу и смотрела вниз: на одинаковые машины, одинаковые подъезды, одинаковых людей с одинаковой утренней спешкой на лицах. Кто-то нёс пакет с мусором. Кто-то тащил ребёнка за руку. Кто-то курил у подъезда, глядя в телефон. Кто-то шёл к машине с таким выражением, будто уже проиграл этот день, хотя он ещё толком не начался.

Арина смотрела на них и чувствовала...

Ничего.

Не тоску даже.

Тоска — это всё-таки чувство. У неё есть вес, цвет, температура. Тоска может давить на грудь, заставлять слушать старые песни, плакать в ванной, писать сообщения, которые потом стираешь.

У Арины было иначе.

Пусто.

Ровно.

Тихо.

Будто внутри когда-то выключили свет и забыли вернуть-ся.

Работа держалась на цифрах.

И этим спасала.

Бухгалтерия не требовала вдохновения. Она не спрашивала, счастлива ли ты, хочешь ли чего-то, горит ли у тебя внутри огонь. Цифрам было всё равно. Они либо сходились, либо нет.

В этом была честность.

Если не сходится — ищи ошибку.
Если ошибка найдена — исправь.
Если исправила — баланс снова станет балансом.

Мир мог разваливаться. Муж мог уходить. Подруги могли рожать детей, покупать квартиры, выкладывать фотографии отпусков и писать длинные посты про новую себя. Коллеги могли менять работу, худеть, выходить замуж, разводиться, снова влюбляться.

Но если сумма по дебету равна сумме по кредиту — хоть где-то есть порядок.

Арина за это цеплялась.

Её стол на работе всегда был чистым. Монитор протёрт. Папки разложены. Стикеры приклеены ровно. Ручки в стакане. Чашка справа. Телефон экраном вниз, чтобы не отвлекал.

Коллеги называли её надёжной.

— Арина, ты же у нас всё проверишь.
 — Арина, без тебя мы бы давно утонули.
 — Арина, ты такая спокойная, я бы на твоём месте уже орала.

Она улыбалась.

Правильно.
 Уместно.
 Не слишком широко.

Спокойная.

Да.

Когда человек долго ничего не чувствует, окружающие часто путают это с выдержкой.

Коллеги говорили.

Смеялись.

Обсуждали сериалы, начальство, чужие свадьбы, цены, ремонт, детей, мужей, любовников, отпуск в Турции, новый салон маникюра, чью-то «ужасную свекровь» и «нормального мужика, но жмота».

Арина слушала.

Иногда кивала.

Иногда вставляла реплику.

Иногда даже шутила — коротко, сухо, так, что все смеялись и говорили:

— Ой, Арин, ну ты даёшь.

И на этом всё.

Она будто присутствовала в жизни снаружи.

Как человек, который стоит за стеклом и видит, как другие едят горячую еду, спорят, целуются, плачут, злятся, жи-

вут. А сам слышит только приглушённые звуки.

Когда-то было иначе.

Она помнила это неясно, как старую фотографию, выцветшую от времени.

Когда-то она могла спорить до хрипоты.
 Смеяться громко, не думая, как выглядит со стороны.
 Говорить лишнее.
 Покупать яркие платья.
 Писать подругам ночью длинные сообщения.
 Мечтать.

Когда-то она чувствовала себя живой.

Не постоянно, нет. Жизнь и тогда была обычной. Но внутри было движение. Что-то откликалось, вспыхивало, спорило, хотело.

Потом был брак.

И слова, которые остались.

Валерий ушёл спокойно.

Не хлопал дверями.

Не кричал.

Не устраивал сцен.

Наверное, именно поэтому Арине потом долго казалось, что она не имеет права страдать слишком сильно. Ведь её не предали грязно. Не били. Не унижали прилюдно. Не выгнали с чемоданом под дождь.

Он просто сел напротив неё на кухне.

На их кухне.

С чашкой чая, который она сама ему налила.

И сказал:

— Арин, ты хорошая.

Плохое всегда почему-то начинается с этого.

Ты хорошая.

Как будто человека перед тем, как выбросить, нужно аккуратно погладить по голове.

Он говорил мягко. Даже виновато. Но не настолько виновато, чтобы остаться.

— Ты правда хорошая. Умная, спокойная, надёжная. Я тебе очень благодарен за всё.

Арина тогда сидела напротив и смотрела на его руки.

На пальцы, которыми он крутил ложку.
На обручальное кольцо.
На ноготь с маленькой неровностью у края.

Она почему-то думала: *надо будет купить новую соль, закончилась.*

Мозг прятался в бытовое, потому что большое было невыносимо.

— Но я так больше не могу, — сказал Валерий.

Пауза.

Короткая.

Но внутри Арины что-то уже начало сжиматься.

— С тобой как будто ничего не происходит.

Она подняла на него глаза.

— В смысле?

Он устало провёл ладонью по лицу.

— Не знаю, как объяснить. Ты... правильная. Всё правильно. Дом, работа, ужин, счета. Но как будто... пусто. Ты

будто всё время рядом, но не со мной. И не с собой тоже.

Арина молчала.

Может быть, потому что где-то глубоко узнала правду.

А потом он добил.

Не со злостью.

Не жестоко даже.

Именно поэтому слова вошли так глубоко.

— Ты слишком скучная, Арин.

Скучная.

Слово было маленьким.

Почти детским.

Так говорят про фильм, который не понравился. Про книгу, которую бросили на середине. Про вечеринку, с которой хочется уйти пораньше.

А он сказал это о ней.

О женщине, с которой прожил несколько лет.

Она не закричала.

Не бросила в него чашку.

Не спросила: «А ты? Ты сам-то что сделал, чтобы у нас что-то происходило?»

Она просто кивнула.

Как будто услышала рабочее замечание.

Как будто ей указали на ошибку в отчёте.

Да.
 Скучная.
 Принято.
 Исправить невозможно.

Внутри в тот момент что-то сдвинулось.

Тихо.

Без звука.

И больше не вернулось на место.

После развода жизнь не разрушилась.

И это оказалось хуже.

Она продолжилась.

Та же работа.
 Та же квартира.
 Тот же чайник.
 Те же серые утра.
 Те же потолки.

Только теперь в квартире стало больше воздуха.

И меньше смысла.

Вещи Валерия исчезли постепенно. Сначала он забрал одежду. Потом книги. Потом какие-то провода, которые всегда лежали в ящике и назначения которых Арина не знала. Потом кружку с трещиной, из которой пил только он.

Арина думала, что когда его вещей не останется, станет легче.

Не стало.

Пустое место тоже умеет присутствовать.

Она перестала смеяться вслух.

Не сразу.

Постепенно.

Сначала на работе, когда коллеги рассказывали что-то смешное, она улыбалась чуть тише. Потом перестала спорить. Потом перестала покупать себе что-то яркое. Потом поймала себя на том, что в магазине выбирает одежду, которую удобно не замечать: серое, тёмно-синее, бежевое.

Она будто сделала вывод, не произнося его вслух:

Раз со мной ничего не происходит — значит, так и должно быть.

И жила дальше.

Так живут люди, которые не умерли, но и не совсем остались.

Идея дачи пришла не как мечта.

Не было красивой картинки: утренний кофе на веранде, цветы, плед, яблоки, солнце сквозь листья, уютный домик с деревянными ставнями.

Нет.

Мысль появилась однажды вечером, когда Арина сидела на кухне без света.

Лампочку она не включила специально.

Ей казалось, что в темноте квартира честнее.

За окном горели чужие окна. В каждом — кусок чужой жизни. Где-то мелькала фигура женщины. Где-то синел телевизор. Где-то ребёнок прыгал у занавески. Где-то мужчина вышел на балкон курить.

Жизнь вокруг продолжалась.

Не её.

Арина сидела с остывшим чаем и вдруг подумала:

А если уехать?

Не в другой город.

Не в новую страну.

Не начать всё сначала — боже, как она устала от этой фра-

зы. Начинать сначала нужно было с силами, надеждой и хотя бы приблизительным пониманием, кто ты теперь такая.

У неё этого не было.

Она хотела не новой жизни.

Она хотела тишины.

Не исчезнуть навсегда.

Просто отойти в сторону.

Где никто не ждёт от неё интересности.
 Где не нужно быть чьей-то женой, бывшей женой, надёжным сотрудником, спокойной женщиной, нормальной дочерью.
 Где можно проснуться утром и не сразу вспоминать, как надо выглядеть для мира.

Дом где-нибудь за городом.

Старый.

Дешёвый.

Чтобы можно было приезжать на выходные, красить стены, копать в земле, уставать физически, а не от мыслей.

Чтобы вечером сидеть на крыльце и слушать не машины, а деревья.

Может, там я хотя бы услышу себя.

Мысль была тихой.

Почти осторожной.

И впервые за долгое время не испугала.

Дом она нашла быстро.

Слишком быстро.

Как будто он действительно ждал, пока она сдастся.

Объявление было неприметным. Плохие фотографии, сделанные на старый телефон. Серый покосившийся домик. Участок, заросший травой. Баня на заднем дворе. Цена — почти подозрительно низкая, но даже эта сумма была для Арины не маленькой.

Она поехала смотреть в ближайшие выходные.

Дорога заняла несколько часов.

Электричка.
 Автобус.
 Потом такси, водитель которого всю дорогу жаловался на дороги, чиновников и «москвичей, которые скупают гнильё, а потом удивляются».

Арина молчала.

За окном мелькали поля, редкие деревни, покосившиеся заборы, остановки с облупленной краской, магазины с выцветшими вывесками. Чем дальше она уезжала от Химок, тем больше внутри становилось странной пустоты.

Не страшной.

Свободной.

Дом стоял в конце улицы.

Старый.
 Покосившийся.
 Забытый.

Крыша местами просела. Краска облупилась. Окна смотрели мутно, как глаза очень старого человека. У крыльца росла крапива. За домом виднелась баня, ещё более ветхая, почти провалившаяся в землю одним боком.

Внуки хозяйки приехали на старой иномарке.

Мужчина и женщина лет тридцати пяти. Уставшие, равнодушные, торопливые. Они говорили о доме так, как гово-

рят о ненужной мебели.

— Бабушка умерла три года назад.
— Мы сюда не ездим.
— Там внутри старьё, сами понимаете.
— С документами всё нормально.
— Если будете брать быстро, можем уступить.

Им было всё равно.

А Арине — нет.

Она стояла на пороге, смотрела на облупленные стены, на пыль, на чужие следы времени — и чувствовала странное облегчение.

Дом был не красивым.

Не уютным.

Не обещающим лёгкую жизнь.

Но он ничего от неё не требовал.

Не просил быть интересной.
Не спрашивал, почему она одна.
Не сравнивал с молодой женщиной, у которой глаза горят ярче.
Не ждал, что она станет другой.

Он просто стоял.

Усталый.

Старый.

Почти такой же потерянный, как она.

Здесь от меня ничего не требуется.

Эта мысль оказалась настолько мягкой, что Арина почти заплакала.

Она купила дом.

Почти не думая.

Как покупают не недвижимость.

А право спрятаться.

Первый день отпуска она начала с ремонта.

Громко сказано — ремонт.

Скорее, расчистка.

Дом был набит чужими вещами, как старый сундук, который никто не открывал много лет. Поломанные стулья. Банки. Тряпки. Книги с разбухшими страницами. Посуда со сколами. Пожелтевшие газеты. Коробки с непонятным хламом. Пальто, пахнущее нафталином. Ржавая мясорубка. Детская игрушка без глаза.

Чужие жизни.

Чужие привычки.

Чужие «вдруг пригодится».

Арина таскала всё во двор.

Сначала аккуратно.

Потом всё резче.

Вынести.
 Сложить.
 Выбросить.
 Не думать.
 Не читать письма.
 Не рассматривать фотографии.
 Не вглядываться в чужую память.

К вечеру заболели руки.

Спина ныла. Под ногтями была грязь. Волосы выбились из хвоста и липли к шее. На ладони появилась заноза, которую она так и не вытащила.

Но физическая боль была почти приятной.

Честной.

Понятной.

Если болит спина — значит, таскала тяжёлое.
 Если дрожат руки — значит, устала.
 Если першит в горле — значит, надышалась пылью.

С внутренним было сложнее.

Там болело без причины.

Без точки.

Без названия.

Она села на подоконник в кухне, открыла бутылку воды, сделала несколько глотков и достала телефон.

Привычно.

Без цели.

Просто движение пальца.

Экран загорелся слишком ярко в полутёмной кухне.

Социальные сети открылись сами — как открываются привычки, от которых давно нет радости, но рука всё равно тянется.

Арина листала ленту рассеянно.

Чужие отпуска.
 Чужие дети.
 Чужие ремонты.
 Чужие завтраки.
 Чужие лица, уверенные, что их стоит показывать миру.

И вдруг остановилась.

Фото.

Сначала она не поняла.

Точнее, мозг понял раньше сердца и попытался закрыть это понимание.

На фотографии был Валерий.

В светлой рубашке.

Улыбающийся.

Не той усталой улыбкой, которую Арина помнила по последним годам их брака. Другой. Раскрытой. Свободной. Почти мальчишеской.

Рядом с ним стояла девушка.

Молодая.

Лёгкая.

Живая.

У неё были светлые волосы, тонкие руки и такое выражение лица, будто мир — безопасное место, где её любят просто так. Её ладонь лежала у Валерия на груди. Уверенно. Спокойно. Как будто ей там место.

Подпись была короткой.

Но достаточной.

Он женился.

Арина смотрела на фото слишком долго.

Дольше, чем нужно для понимания.

Смотрела на его улыбку. На её платье. На их руки. На комментарии, полные сердечек, поздравлений, «наконец-то», «какие красивые», «счастья вам».

Наконец-то.

Вот оно как.

Не «как неожиданно».
Не «надо же».
А «наконец-то».

Значит, кто-то ждал этого. Знал. Видел. Радовался.

Мир Валерия не закончился на разводе.

Он просто освободился.

И стал счастливее.

Без неё.

Мысль пришла тихо.

Жёстко.

Без истерики.

Значит, со мной действительно было пусто.

Арина резко закрыла телефон.

Так резко, будто экран обжёг пальцы.

Кухня сразу стала слишком настоящей.

Грязный подоконник.
Пыльные стены.
Мигающая лампочка под потолком.
Пакеты с мусором у двери.
Холод, поднимающийся от пола.

Она сидела и чувствовала, как внутри, там, где всё давно было пустым, что-то начинает трескаться.

Не оживать.

Нет.

Ломаться.

Бутылка вина нашлась в пакете с продуктами.

Она купила её утром почти случайно. Тогда казалось — вечером, после работы, можно будет налить бокал, сесть на крыльцо, отметить первый день новой жизни. Как в кино. Как делают нормальные женщины, которые покупают старые дома и начинают всё заново.

Теперь это выглядело смешно.

Арина достала бутылку.

Открывала неаккуратно.

Пробка не поддавалась, штопор сорвался, она выругалась, дёрнула сильнее. Вино плеснуло на руку, на край стола.

— Да чтоб тебя, — сказала она пустой кухне.

Первый глоток обжёг горло.

Второй прошёл легче.

Третий уже почти не чувствовался.

Мысли не кричали.

Они шептали.

И от этого были хуже.

Ты не изменилась.

Он просто нашёл лучшие.

С тобой ничего не происходит.

Ты слишком скучная.

Арина поднялась.

Не помня, зачем.

Взяла бутылку с собой и вышла на улицу.

Босиком.

Трава была холодной, влажной. Земля неприятно липла к ступням. Где-то в кустах шуршало. Небо потемнело, но до полной ночи оставалась ещё полоска серого света на западе. Дом за спиной казался чужим и слепым.

Она сделала глоток прямо из бутылки.

Потом ещё.

И вдруг внутри прорвалось.

— Валерий, ты козёл!

Крик ушёл в дачный вечер.

Пролетел над крапивой, старой баней, заросшим участком, над соседними заборами, где, возможно, кто-то сидел у телевизора или кормил кошку.

И не вернулся.

Арина замерла.

Потом рассмеялась.

Резко.

Почти зло.

Смех был неприятный, чужой. Но он был.

— Козёл, — повторила она тише. — Счастливый козёл.

Она снова отпила.

Вино было кислым.

Или это в ней всё стало кислым.

Она пошла вперёд.

Куда — неважно.

Главное — не сидеть в доме с этим фото перед глазами.

У старой бани лежала куча хлама.

Она заметила её ещё днём, но сил разбирать не хватило. Там были доски, куски шифера, ржавое железо, листы фанеры, старые рамы без стёкол, какие-то палки, обломки мебели. Всё свалено в беспорядке, как будто кто-то много лет назад решил: потом разберём.

И не вернулся.

Арина остановилась перед этой кучей и вдруг почувствовала злость.

Не на хлам.

На всё.

На Валерия.
 На его молодую жену, которая ни в чём не была виновата.
 На себя.
 На дом.
 На Химки.
 На серые утра.
 На слово «скучная».
 На то, что ей тридцать два, а она стоит босиком у гнилой бани с бутылкой вина и понятия не имеет, куда делась её жизнь.

— Ничего не бывает с чистого листа, да? — сказала она хламу.

Хлам молчал.

Это разозлило ещё сильнее.

Арина наклонилась, подняла с земли камень.

Обычный серый камень.

Шершавый.

Тяжёлый в руке.

Она сжала его пальцами, чувствуя, как острый край впи-
вается в кожу.

— Ну держи.

И бросила.

Камень ударил по фанере.

Но звук был не тот.

Не резкий деревянный стук.

Не глухой удар по земле.

Звук ушёл вниз.

Глубоко.

Пусто.

Так звучит не куча мусора.

Так звучит пространство под ней.

Арина замерла.

Вино сразу будто отступило от головы, оставив после себя странную ясность.

Она прислушалась.

Тишина.

Трава.
 Далёкая собака.
 Где-то хлопнула дверь.
 В собственных ушах стучит кровь.

Но тот звук всё ещё жил внутри.

Глухой.
 Глубокий.
 Пустой.

Камень не мог так прозвучать, если под фанерой земля.

— Да ладно... — прошептала Арина.

Она сделала шаг.

Потом ещё.

Трава цеплялась за мокрые ступни. Холод уже должен был пробраться до костей, но она почти не чувствовала. Перед ней лежали листы старой фанеры, кое-где прогнившей, присыпанной мусором и сухими листьями.

Арина поставила бутылку на землю.

Наклонилась.

Отодвинула ногой доску.

Потом вторую.

Фанера сдвинулась с неприятным сухим скрежетом.

Под ней открылась темнота.

Не просто тень.

Не яма.

Не дыра даже.

Темнота.

Густая.

Неподвижная.

Как будто это было не отсутствие света, а что-то отдельное. Материя. Глубина. Чёрная вода без блеска.

Арина отшатнулась.

Сердце ударило резко.

Один раз.

Второй.

Она выдохнула и попыталась рассмеяться.

Не вышло.

— Господи... да это просто колодец.

Голос прозвучал неуверенно.

Слишком тихо.

Как будто она пыталась убедить не пространство — себя.

Старый заброшенный колодец.

Конечно.

Дом старый, баня старая, участок заброшенный. Колодец накрыли фанерой, чтобы никто не провалился. Внукам было всё равно. Они, может, даже не знали.

Логично.

Рационально.

Понятно.

И всё равно Арина снова сделала шаг вперёд.

Слишком близко.

Она наклонилась.

Попыталась разглядеть дно.

Ничего.

Только чёрное.

Запах сырости почти не было. Это почему-то испугало сильнее. У старого колодца должен быть запах — воды, плесени, гнили, мокрого камня. А оттуда тянуло холодом без запаха.

Чистым.

Пустым.

Как из открытого холодильника, в котором ничего нет.

По позвоночнику поползло странное ощущение.

Медленно.

Липко.

Будто не она смотрит вниз.

А снизу смотрят на неё.

Арина резко выпрямилась.

— Всё, хватит, — сказала она себе. — Завтра посмотрю.

Но не ушла.

Стояла.

Смотрела.

Темнота внизу не двигалась.

И всё же в ней было что-то неправильное.

Арина снова наклонилась.

Чуть-чуть.

— Есть там кто? — бросила она вниз, сама не понимая зачем.

Тишина.

Глухая.

Полная.

А потом ей показалось —

нет, не показалось,

что в глубине что-то ответило.

Не голосом.

Не словом.

Едва слышным движением.

Словно кто-то очень далеко коснулся камня.

Раз.

Пауза.

Раз.

Арина застыла.

Кровь отлила от лица.

— Что за...

Она сделала движение назад.

И в этот момент мокрая нога соскользнула с края фанеры.

Всё произошло сразу.

Фанера ушла в сторону.

Земля под ступнёй исчезла.

Руки метнулись вперёд, хватая воздух, край доски, траву

— всё, что могло удержать.
Но ничего не удержало.
Мира под ней больше не было.
Провал.
Резкий.
Жёсткий.
Воздух выбило из груди.

— А-а-а!

Крик рванулся вверх, но почти сразу стал глухим, будто темнота сжала его ладонью.

Бутылка вина перевернулась наверху.

Где-то звякнуло стекло.

Далеко.

Нереально.

Арина падала.

Сначала быстро.

Потом — слишком долго.

Невозможно долго.

Колодец не мог быть таким глубоким.

Она должна была уже удариться о воду. О дно. О камень.

О что угодно.

Но падение продолжалось.

Секунда.
Вторая.
Третья.

Холод обволакивал тело.

Воздух стал плотным, тяжёлым, словно она падала не через пустоту, а через густую чёрную ткань. Юбка домашнего

платья задралась, волосы ударили по лицу, ногти царапнули ладони. Она пыталась вдохнуть, но грудь не слушалась.

И тогда пришло понимание.

Резкое.

Чёткое.

Пугающе ясное.

Она не падала вниз.

Её тянуло.

Темнота вокруг стала гуще.

Почти осязаемой.

Как вода.

Как руки.

Арина раскрыла рот, но вместо крика вышел только хрип.

— Нет... нет... нет...

Мысли посыпались, как вещи с полки.

*Я пьяная.
 Я упала.
 Меня найдут.
 Не найдут.
 Телефон в доме.
 Мама будет звонить.
 Господи, как глупо.
 Как страшно.
 Я не хочу.*

И вдруг — ещё одна мысль.

Не похожая на остальные.

Тихая.

Чужая.

Но абсолютно ясная.

Я не проснусь дома.

Арина попыталась ухватиться за эту мысль, за страх, за себя.

Но темнота сомкнулась.

Плотно.

Без щели.

Без звука.

И мир исчез.

Конец главы 1

ГЛАВА 2

Свет над колодцем

Сначала был свет.

Не звук.
 Не боль.
 Не холод.

Свет.

Он прорезал темноту резко, почти жестоко — как нож прорезает плотную ткань. Не мягкий утренний свет, не тот сероватый, привычный, который пробирался к ней в квартиру в Химках сквозь занавески. Этот был другой.

Белый.
 Слепящий.
 Чужой.

Он ударил по закрытым векам, и Арина дёрнулась всем телом, будто её выдернули из глубокой воды.

Вода взметнулась вокруг.

Холодная, тяжёлая, живая.

Она ударилась о каменные стены, плеснула ей в грудь, в подбородок, забралась под мокрую ткань, впилась в кожу сотней ледяных иголок.

Арина открыла рот.

— А-а-а!

Крик вырвался сам.

Грубый.

Сорванный.

Дикий.

Он поднялся вверх, ударился о каменные стены, расколол-

ся на несколько чужих голосов и вернулся к ней эхом.

— А-а-а... а-а... а...

От этого стало ещё страшнее.

Потому что крик был её.

И уже не её.

Будто кто-то другой кричал здесь, внизу, в этой сырой глупине.

Арина замолотила руками по воде, не сразу понимая, что делает. Инстинкт был быстрее мысли. Тело хотело выбраться, убежать, подняться, оттолкнуться от всего, что касалось кожи.

Но бежать было некуда.

Вода доходила почти до пояса.

Платье — нет, не платье, домашняя одежда, старая растянутая футболка и лёгкие штаны, в которых она вчера таскала хлам, — липли к телу, тянули вниз, делались чужими и тяжёлыми. Волосы намокли, прилипли к щекам и шее. Зубы застучали так резко, что она услышала этот звук сквозь собственное дыхание.

Она дышала рвано.

Слишком быстро.

Грудь не раскрывалась до конца.

Вдох.
 Вода.
 Холод.
 Свет.
 Камень.

Где она?

Вопрос не пришёл сразу оформленным.

Сначала была паника.

Чистая, животная.

Та, где нет слов, только желание выжить.

Потом мир начал собираться.

Кусками.

Камень.

Мокрый.

Скользкий.

Стены вокруг — круглые, узкие, уходящие вверх.

Высоко над головой — светлый круг.

Небо.

Колодец.

Память вернулась резко.

Как удар в грудь.

Дача.
 Вино.
 Фото Валерия.
 Крик в темноту.
 Хлам у бани.
 Камень.
 Станный пустой звук.
 Фанера.
 Чёрная дыра под ногами.

Падение.

Она застыла.

Вода ещё колыхалась вокруг её тела, но сама Арина словно окаменела.

Сейчас должна прийти боль.

Осознание травмы.

Сломанная рука.

Разбитая голова.

Вывернутая нога.

Кровь.

Удар о дно.

Что угодно.

Она осторожно пошевелила пальцами.

Потом руками.

Потом ногами под водой.

Больно было только от холода.

И от ссадин на ладонях, которые, кажется, ободрались о камень или фанеру. Колено ныло, но слушалось. Голова кружилась, но не раскалывалась. Рёбра болели от резкого дыхания, но не так, как ломаются рёбра.

Жива.

Цела.

Почти.

Арина медленно провела руками по себе, не веря.

Плечи.
 Шея.
 Грудь.
 Бока.
 Ноги.

Ничего.

И тут пришло самое странное.

Она чувствовала себя отдохнувшей.

Не бодрой — нет, тело тряслось от холода, страх сжимал живот, волосы липли к лицу. Но внутри не было той тяжёлой пьяной ватности, с которой она должна была очнуться после вина, падения и ночи в ледяной воде.

Голова была ясной.

Даже слишком.

Будто она не провалилась вчера в старый колодец, а проспала двенадцать часов глубоким, тёмным сном.

— Нет... — прошептала Арина.

Голос прозвучал хрипло.

Чужой.

— Нет-нет-нет...

Это было неправильно.

Так не бывает.

Если человек падает в колодезь, он не просыпается отдохнувшим. Если человек проводит ночь по пояс в ледяной воде, он не чувствует ясности. Он замерзает. Он ломает кости. Он кричит, пока не сорвёт голос. Он теряет сознание и, может быть, уже не приходит в себя.

Но она была здесь.

Живая.

Целая.

Вода плескалась у талии.

Свет наверху слепил глаза.

Арина сглотнула, чувствуя во рту горечь и привкус сырого камня.

— Спокойно, — сказала она себе.

Слово прозвучало жалко.

Но нужно было хоть что-то.

— Спокойно, Арина. Просто... просто вылезти.

Она подняла голову.

Посмотрела вверх.

Светлый круг казался маленьким и далёким.

Слишком далёким.

У неё закружилась голова.

Глубина была больше, чем она ожидала. Много больше. Стены колодца уходили вверх тёмными, неровными кольцами. Камни выступали местами, между ними были щели, корни, мох, чёрная влажная грязь.

Можно вылезти.

Наверное.

Люди ведь вылезают.

В фильмах. В книгах. В каких-нибудь дурацких историях, где герой падает в яму, а потом героически карабкается наверх.

Арина не была героем.

Она была бухгалтером из Химок, тридцати двух лет, разведённой, босой, мокрой, замёрзшей и, кажется, всё ещё немного пьяной вчерашней болью, если не вином.

Но другого варианта не было.

Она сделала шаг к стене.

Нога скользнула по невидимому дну, подняв мусть. Вода тут же стала темнее. Что-то мягкое коснулось лодыжки — то ли водоросль, то ли корень, то ли просто ткань её штанов.

Арина сжала зубы, чтобы не вскрикнуть снова.

Она вцепилась пальцами в камень.

Холодный.

Неровный.

Мокрый.

Пальцы сразу скользнули.

Она попробовала ещё раз.

Нашла щель.

Подтянулась.

Нога упёрлась в выступ, но тот тут же осыпался под ступнёй.

Арина сорвалась обратно в воду.

Плеск ударил по стенам.

— Чёрт...

Она задышала чаще.

Нет.

Не паниковать.

Паника — это когда вода выше головы, когда нет света, когда никто не услышит.

А свет есть.

Значит, верх открыт.

Значит, её могут слышать.

Значит, соседи.

Дача же не в глухом лесу. Там дома через участок. Кто-то должен быть. Кто-то услышит. Кто-то выйдет поливать огород, выпускать кур, курить на крыльце, что угодно.

Арина снова вцепилась в камень.

Ещё раз.

И ещё.

Ногти цеплялись за щели.

Кожа на пальцах саднила.

Она подтянулась на несколько сантиметров, но мокрая

ткань тянула вниз. Нога соскользнула, колено ударилось о стену, боль вспыхнула ярко, резко.

Живая боль.

Настоящая.

И почему-то именно она немного привела её в чувство.

Боль означала тело.

Тело означало реальность.

Реальность означала: нужно действовать.

— Эй! — крикнула Арина вверх.

Голос сорвался.

Она откашлялась, набрала воздуха и закричала снова:

— Эй! Есть кто-нибудь?! Помогите!

Крик поднялся вверх.

На этот раз не утонул в камне, не вернулся только эхом. Он ушёл туда, к свету, к небу, к миру, который существовал над этим колодцем.

— Помогите! Я здесь! Я в колодце!

Она замолчала.

Секунда.

Вторая.

Третья.

Тишина.

Только капли где-то стекали по стенам.
 Только вода плескалась вокруг её дрожащего тела.
 Только сердце стучало в висках так сильно, будто пыталось выбраться наружу раньше неё.

— Да чтоб вас... — прошептала она.

Снова подняла голову.

— Помоги-и-ите!

И вдруг свет наверху изменился.

На его фоне появилась тень.

Арина замерла.

Тень дрогнула.

Кто-то наклонился над колодцем.

Сначала она увидела только силуэт: голова, плечи, худое тело, край какой-то странной одежды. Потом глаза начали привыкать к свету, и фигура стала чётче.

Мальчик.

Лет пятнадцать.

Может, шестнадцать.

Худой, вытянутый, с острым лицом и тёмными волосами, которые падали на лоб. Он смотрел вниз внимательно, спокойно, почти без испуга.

Слишком спокойно.

Так не смотрят на женщину, которая орёт из колодца.

Так смотрят на телёнка, застрявшего в канаве, или на ведро, упавшее в воду.

— Ты жива? — спросил он.

Арина моргнула.

Вопрос был настолько простой, что на секунду она даже растерялась.

— Да! — выкрикнула она. — Да, жива! Верёвку! У тебя

есть верёвка? Позови кого-нибудь! Быстрее!

Мальчик исчез.

Просто убрался от края, и свет снова стал пустым.

Арина задохнулась.

— Эй! Эй, ты куда?!

Паника снова поднялась мгновенно.

Горячая, едкая, несмотря на холод.

Он ушёл.

Он её оставил.

Может, испугался. Может, побежал звать взрослых. Может, решил, что она сумасшедшая. Может, здесь вообще никого нет рядом, и пока он добежит, она замёрзнет.

— Только не уходи, — прошептала она. — Пожалуйста, только не уходи...

Свет дрогнул снова.

Мальчик вернулся.

В руках у него была верёвка.

Грубая. Толстая. Настоящая.

Арина почти заплакала от облегчения.

— Держись, — сказал он.

Верёвка полетела вниз, ударилась о воду рядом с ней, плеснула каплями в лицо.

Арина схватила её обеими руками.

Сразу.

С силой.

Как будто это была не верёвка, а единственное, что свя-

зывает её с нормальным миром, с воздухом, с жизнью, с тем, что она ещё может выбраться.

Волокна впились в ладони.

Больно.

Хорошо.

— Держу! — крикнула она.

— Обвяжи вокруг себя, — сказал мальчик сверху.

— Что?

— Обвяжи. Под руками.

Говорил он странно.

Не словами — слова были понятны. Но интонация, построение фраз, спокойная чёткость — всё звучало так, будто он не соседский подросток с дачи, а мальчишка из старого фильма.

Арина не стала думать.

Она обмотала верёвку вокруг себя неловко, дрожащими руками, затянула под грудью, вцепилась снова.

— Всё!

Верёвка натянулась.

Сверху послышалось короткое усилие.

И её потянули.

Не резко.

Но уверенно.

Арина упёрлась ногами в стену, пытаясь помогать. Камень скользил под ступнями. Мокрая ткань тянула вниз. Колодец будто не хотел отпускать её — цеплялся холодом, водой, сте-

нами, страхом.

Она карабкалась.

Шаг.

Подтянуться.

Вдох.

Ещё.

Нога соскочила.

Колено ударилось о камень, боль взорвалась белой вспышкой.

— Ай! Чёрт!

— Держись! — крикнул мальчик.

Голос его был ближе.

Он тянул.

Слишком сильно для худого подростка.

Арина не успевала думать об этом. Она лезла почти в панике, срывая пальцы, цепляясь локтями, прижимаясь телом к холодной стене. Камень царапал кожу через мокрую ткань. Волосы лезли в рот. Верёвка жгла ладони.

Свет становился ближе.

Круг неба расширялся.

Ещё немного.

Ещё.

Сверху появились руки.

Тонкие, загорелые, с грязью под ногтями, но хватка у них оказалась железной. Мальчик вцепился в её запястье, потом в рукав, потянул так, что Арина вскрикнула — не от боли

даже, от неожиданности.

В следующий момент она перевалилась через край.

И рухнула на траву.

Настоящую.

Тёплую.

Сухую.

Она лежала на земле, раскинув руки, и дышала жадно, шумно, как человек, которого только что заново вытолкнули в жизнь. Солнце било в лицо. Воздух пах травой, пылью, нагретым деревом и чем-то ещё — дымом, животными, влажной землёй.

Не так, как на даче.

Слишком ярко.

Слишком густо.

Слишком много запахов.

Арина зажмурилась.

Сердце постепенно переставало колотиться где-то в горле и возвращалось на место. Тело трясло. Вода стекала с одежды на траву. Холодная ткань липла к животу, к ногам, к груди.

Но она была наверху.

Снаружи.

Живая.

— Спасибо... — выдохнула она.

Голос дрожал.

Она повернула голову к мальчику.

— Спасибо тебе. Ты... ты мой спаситель.

Мальчик стоял рядом.

Спокойный.

Слишком спокойный.

Только теперь Арина увидела его по-настоящему.

Одежда на нём была странная.

Не просто бедная.

Не дачная.

Не «родители отправили к бабушке в старье».

Грубая длинная рубаха из плотной ткани, подпоясанная верёвкой. Штаны — широкие, тёмные, заправленные в мягкие сапоги или что-то вроде них. Никаких логотипов. Никаких молний. Никаких синтетических швов. Ткань выглядела так, будто её ткали вручную, а потом носили долго, чинили, снова носили.

Как костюм.

Нет.

Не костюм.

Он стоял в этом слишком естественно.

Мальчик чуть склонил голову.

— Был рад помочь, миледи.

Арина моргнула.

Слово врезалось в сознание сильнее, чем холод.

— Кому?

Он посмотрел на неё с лёгким недоумением.

— Вам, миледи.

Она медленно села.

Голова снова закружилась.

— Так. Подожди. Какая ещё миледи?

Мальчик ничего не ответил.

Он будто не понял, что именно её смутило.

Арина провела мокрой рукой по лицу, убирая волосы.

— Ладно. Хорошо. Спасибо. Как тебя зовут?

— Стефаний.

Он произнёс имя чётко.

Почти торжественно.

— Стефаний, — повторила Арина.

Имя было необычным.

Но мало ли.

Дачные посёлки вообще иногда собирают людей с очень странными именами, привычками, биографиями и тараканами. Может, родители у мальчишки были религиозные. Или фанаты древности. Или просто решили выделиться.

— Ты живёшь рядом? — спросила она.

— Да. Через дом.

Он показал рукой куда-то в сторону улицы.

Арина кивнула автоматически.

Мозг с отчаянной силой цеплялся за объяснения.

Дача.
 Соседский мальчик.
 Странная одежда — может, реконструкторы.
 «Миледи» — шутка.
 Стефаний — ну бывает.

Рациональность ещё держалась.

Тонко.

Но держалась.

Арина попыталась подняться. Ноги подогнулись. Стефаний шагнул вперёд, поддержал её под локоть. Снова эта неожиданная сила в худых руках.

— Осторожнее, миледи.

— Да не миледи я, — пробормотала она. — Арина я.

Стефаний замер.

Едва заметно.

— Арина, — повторил он, будто пробуя имя.

И почему-то от этого ей стало неуютно.

Она оглянулась.

Нужно было увидеть дом.

Свой старый покосившийся домик.

Облупленные стены. Кривую крышу. Окна с мутными стёклами. Кучу мусора у бани. Разбитую бутылку где-нибудь в траве. Следы вчерашнего идиотизма. Нужно было увидеть всё это и окончательно вернуться в нормальность.

Да, упала в колодезь.
 Да, чудом выжила.
 Да, спас странный мальчишка.
 Сейчас позвонит мама. Или скорая. Или МЧС. Или она сама всё объяснит, посмеётся нервно и больше никогда в жизни не будет пить вино у старых бань.

Арина повернула голову.

И замерла.

Дом был.

Но он был другим.

Не её старый, облупленный, уставший дом, который она купила за последние деньги и надежду на тишину.

Перед ней стоял дом из светлого дерева.

Ровный.

Крепкий.

Свежий.

Будто его недавно построили или тщательно восстановили. Стены были тёплого медового цвета, крыша целая, ровная, покрытая не ржавым шифером, а деревянной дранкой. Окна — чистые, небольшие, с деревянными ставнями. У крыльца не было крапивы. Тропинка аккуратно утоптана. Во дворе стояла кадка с водой, лежали связки дров, сушились травы.

Баня тоже была другой.

Не полусгнившая развалина, а низкое крепкое строение, от которого пахло дымом и свежей древесиной.

Кучи хлама не было.

Фанеры не было.

Разбитой бутылки не было.

Арина медленно села прямо.

Сердце снова начало стучать быстрее.

— Я... вчера...

Голос оборвался.

Она смотрела на дом и не понимала, как можно понять невозможное.

Может, её вынесло не там?

Нет.

Колодец был у бани.

Дом должен быть рядом.

Может, соседи её вытащили и принесли к другому дому?

Нет.

Она только что вылезла из колодца. Вот он — за спиной, каменный круг, трава вокруг. Место то же. Но всё другое.

Слишком другое.

Арина резко поднялась на ноги.

Перед глазами потемнело, но она удержалась.

— Подожди, — сказала она.

Стефаний смотрел на неё внимательно.

— Что тут происходит?

Он нахмурился.

— Простите?

— Где мой дом?

— Дом госпожи Устиньи? — уточнил он.

— Какой ещё Устиньи? Здесь мой дом! Я его купила! Вчера! То есть... нет, не вчера, я приехала... — Она запуталась, схватилась за мокрые волосы. — Где мои вещи? Где фанера? Где хлам у бани?

Мальчик молчал.

И это молчание было хуже ответа.

Арина резко повернулась, огляделась шире.

И тогда увидела то, что не заметила сразу.

Улица.

Она была не такой.

Не дачный посёлок с заборами из профнастила, проводами, пластиковыми окнами, спутниковыми тарелками и припаркованными машинами.

Дорога — земляная.
 Дома — деревянные, низкие, старые, но живые.
 У некоторых дворов — плетни.
 Где-то блеяла коза.
 На верёвке сушилось бельё из грубой ткани.
 Вдалеке скрипела телега.

Телега.

Арина медленно повернула голову на звук.

По дороге ехала телега.

Настоящая.

Деревянная.

Запряжённая лошастью.

На ней сидел мужчина в серой рубаше, с бородой, в шапке, похожей на что-то из школьного учебника по истории. Он посмотрел на Арину, на её мокрую одежду, на спутанные волосы, на босые ноги — и перекрестился.

Или сделал жест, очень похожий.

Арина почувствовала, как холод поднимается уже не от мокрой ткани.

Изнутри.

Стефаний шагнул к ней.

— Миледи, вам нехорошо?

— Нет, — сказала она.

Слишком быстро.

— То есть да. То есть... Слушай, Стефаний. Очень внимательно. Где мы?

— В Хольме.

— В каком Хольме?

— В деревне Хольм, миледи.

— Область? Район? Посёлок рядом какой? До станции далеко?

Он смотрел на неё всё более растерянно.

— До какой станции?

Арина почувствовала, как внутри что-то начало трескаться.

Тонко.

Едва слышно.

Но окончательно.

— Ладно, — сказала она. — Хорошо. Телефон. У тебя есть телефон?

Стефаний нахмурился.

— Тел... что?

— Телефон. Позвонить. Связь. Ну... — Она судорожно оглянулась. — У кого-нибудь здесь есть телефон?

Он отступил на полшага.

Теперь уже он смотрел на неё так, будто она сказала что-то пугающее.

— Я не знаю такого слова.

Арина закрыла глаза.

На секунду.

Только на секунду.

Нельзя паниковать.

Она просто ударилась головой.

Да.

Галлюцинация.

Сотрясение.

Она лежит где-нибудь рядом с колодцем, а мозг показывает ей нелепый исторический фильм.

Но если это галлюцинация, почему так холодно? Почему колено болит? Почему верёвка оставила красные полосы на ладонях? Почему воздух пахнет дымом, навозом, травами и мокрым камнем так подробно, так безжалостно реально?

Она открыла глаза.

Стефаний был всё ещё перед ней.

Реальный.

Слишком.

— Какой сейчас год? — спросила Арина.

Голос её стал тихим.

Опасно тихим.

Мальчик моргнул.

— Что?

— Год. Какой сейчас год?

Он нахмурился ещё сильнее.

Не как человек, который не расслышал.

Как человек, который не понимает смысла вопроса.

— Что такое... год?

Внутри Арины что-то оборвалось.

Не громко.

Без крика.

Просто реальность, которая ещё секунду назад держалась на тонкой нитке рациональных объяснений, вдруг треснула по всей длине.

Не телефон.
 Не станция.
 Не район.
 Не год.

Дом не её.

Улица не её.

Люди не её.

Мир не её.

Она медленно отступила на шаг.

Потом ещё.

Стефаний протянул руку.

— Миледи...

— Не подходи.

Слова вырвались резко.

Мальчик остановился.

В его глазах мелькнула обида и страх.

Арина видела это, но не могла сейчас быть мягкой. Вся её кожа стала слишком тонкой. Каждый звук резал. Каждый запах казался чужим. Солнце било по лицу, но внутри было холодно, как в колодеце.

Она оглянулась на каменный круг.

Колодец стоял за её спиной.

Тот самый.

И уже не тот.

От его тёмного отверстия тянуло сыростью и чем-то ещё — едва уловимым, почти исчезнувшим, как дыхание зверя, который только что насытился и снова спрятался.

Арина вдруг поняла: если она заглянет туда сейчас, то увидит не воду.

Или не только воду.

Она резко отвернулась.

— Я сплю, — сказала она. — Это сон. Очень подробный. Очень дурацкий. Но сон.

Стефаний молчал.

Из соседнего двора кто-то окликнул его, но он не ответил.

Арина сделала ещё шаг по траве, потом посмотрела на свои босые ноги. На грязь. На ссадины. На мокрую ткань, облепившую тело. На свои руки, где от верёвки уже вздувались красные полосы.

Сон не бывает таким больным.

Ветер принёс далёкий звон.

Не телефон.

Не электричку.

Колокол.

Глухой.

Медленный.

Где-то далеко, за деревней.

Арина подняла голову.

За крышами домов, за дымом, поднимающимся из труб,

виднелась линия леса. А ещё дальше — что-то серое, высокое, неровное. Стены? Башня? Камень?

Она не знала.

И знать не хотела.

Пока.

Она снова повернулась к Стефанию.

— Скажи мне правду.

— Я не лгу, миледи.

— Не называй меня так.

Он смутился.

— Простите.

— Просто скажи. Здесь нет машин?

— Каких машин?

— Электричества?

Он молчал.

— Больницы? Полиции? Магазина? Автобуса?

Каждое слово ударялось о его непонимание и падало между ними, как камни.

Стефаний смотрел на неё всё тревожнее.

— Вы издалека? — спросил он наконец.

Арина рассмеялась.

Тихо.

Нервно.

Почти беззвучно.

— Да, — сказала она. — Кажется, очень.

Смех оборвался.

Потому что в горле встал ком.

Мама.

Квартира.

Химки.

Телефон в доме.

Валерий на фотографии.

Работа.

Чайник.

Будильник в 7:00.

Серый потолок.

Всё, от чего она хотела сбежать, вдруг стало единственным, к чему хотелось вернуться.

Арина прижала ладонь ко рту.

Не заплакать.

Только не сейчас.

Не перед этим мальчиком в странной рубаше.

Не на этой чужой траве.

Не под этим слишком ярким, неправильным солнцем.

Она должна думать.

Она взрослая женщина.

Тридцать два года.

Бухгалтер.

Разведённая.

С опытом.

С разочарованиями.

С умением собирать хаос в таблицы и находить ошибку

там, где остальные видят только беспорядок.

Нужно собрать факты.

Факт первый: она упала в колодец на своей даче.

Факт второй: очнулась в колодце.
 Факт третий: дом из-

менился.
 Факт четвертый: вокруг нет признаков совре-

менности.
 Факт пятый: Стефаний не понимает слова

«год».
 Факт шестой: это невозможно.

И всё же происходит.

Стефаний тихо сказал:

— Вам надо согреться.

Арина посмотрела на него.

Он был испуган.

Но не ушёл.

Стоял рядом, худой, странный, чужой, спасший её из ко-
лодца.

И это был единственный человек в новом мире, который
пока не причинил ей вреда.

Она медленно кивнула.

— Да, — сказала она.

Голос почти не слушался.

— Мне... мне надо согреться.

И понять, куда, чёрт возьми, она попала.

Стефаний протянул ей руку, но не коснулся. Словно уже
понял, что эта странная женщина может испугаться любого
движения.

Арина посмотрела на его руку.

Потом на деревню.

На новый старый дом.

На колодец.

И впервые по-настоящему осознала: назад не видно дороги.

Ни тропинки.

Ни двери.

Ни света привычного мира.

Только каменный круг позади.

И чужое солнце над головой.

Она сделала шаг.

Один.

Потом второй.

Трава была тёплой под босыми ногами.

А внутри всё ещё плескалась ледяная вода.

Конец главы 2

ГЛАВА 3

Чужой год

— Что значит... «что такое год»?

Голос у Арины сорвался на последнем слове.

Не громко.
 Не истерично.
 Хуже.

Так срывается голос у человека, который ещё пытается удержаться за разум, но пальцы уже скользят.

Она стояла посреди дороги — если это вообще можно было назвать дорогой — мокрая, босая, с липнувшей к телу одеждой и дрожащими от холода руками. Волосы прилипли к щекам, к шее, к вискам. По спине всё ещё стекала вода из колодца, неприятная, холодная, пахнувшая тинной и камнем.

Солнце било в глаза.

Слишком яркое после темноты.

Мир вокруг казался одновременно резким и мутным, как бывает после удара головой: всё видно слишком отчётливо, но мозг отказывается складывать детали в смысл.

Перед ней стоял мальчик.

Стефаний.

Так он назвался.

Лет пятнадцать, может, чуть больше. Худой, жилистый, с тёмными растрёпанными волосами и лицом, на котором детство уже отступало под натиском ранней взрослости. В её мире такие мальчишки ходили бы в худи, залипали в те-

лефоны, ругались матом у подъезда, прятали от родителей электронки и делали вид, что им всё равно.

Этот стоял в грубой тунике, перетянутой верёвкой.

Ткань на нём была не просто «странная».

Она была домотканая. Неровная. Жёсткая. Цвет — не серый даже, а выстиранный грязью. На локте — грубая заплата. На ногах — что-то вроде кожаных башмаков, размокших и потрескавшихся. Он был одет не «для прикола», не на фестиваль, не для фотосессии.

Так одевались, когда другого не было.

Арина смотрела на него и пыталась найти в его лице хоть что-нибудь знакомое.

Улыбку.

Намёк на шутку.

След игры.

Может, это розыгрыш?
Может, кто-то снимает?
Может, соседи решили напугать городскую дуру, которая купила старую дачу и в первый же вечер провалилась в колодец?

Но Стефаний не улыбался.

Он смотрел на неё внимательно.

Осторожно.

Слишком серьёзно для мальчишки, который только что вытащил незнакомую женщину из колодца.

— Я не знаю такого слова, миледи, — сказал он.

Ровно.

Почти виновато.

Будто боялся, что она рассердится.

Внутри Арины что-то не просто оборвалось.

Съехало.

Как половица под ногой.

— Нет... — она сделала шаг назад, но ступня тут же попала в мокрую грязь, и холодная жижа просочилась между пальцами. — Нет, ты не понял. Я про время. Сейчас какой... ну... день, месяц, год!

Она начала жестикулировать.

Слишком резко.

Слишком нервно.

Показывала руками круг, будто могла из воздуха собрать календарь. Будто если правильно объяснить, мальчик кивнёт, хлопнет себя по лбу и скажет: «А, вы про это! Две тысячи двадцать шестой, конечно».

Она ждала.

Смотрела на него.

Дышала часто.

Стефаний слушал.

Честно слушал.

Но не понимал.

И это было страшнее любого ответа.

— Сейчас лето, — наконец сказал он. — Пятый месяц после посева.

Слова упали между ними тяжело.

Чужими.

Глухими.

Арина замерла.

Пятый месяц после...

После чего?

Посева?

Она моргнула.

Раз.

Другой.

В голове вдруг стало пусто.

Не от непонимания даже.

От отказа.

Мозг не хотел принимать фразу. Она не помещалась в прежний мир. Там были даты, календари, уведомления, сроки сдачи отчётов, налоговые периоды, кварталы, отпуска, будильники, электронные часы, «понедельник, мать его», «до пятнадцатого нужно оплатить».

А здесь — пятый месяц после посева.

Не год.

Не число.

Не век.

Посев.

Земля стала календарём.

И от этого Арине стало по-настоящему страшно.

Она резко отвернулась от Стефания и наконец посмотрела вокруг.

Не так, как до этого.

Не цепляясь за спасительное «я на даче».

А внимательно.

С усилием.

Как человек, который заставляет себя увидеть место преступления, потому что иначе не поймёт, как выжить.

Дорога под ногами была не просёлочной дачной дорогой.

Нет.

Просёлочная — это всё-таки след привычного мира: колеи от машин, следы шин, куски гравия, где-то старый асфальт, где-то пластиковая бутылка, окурок, ржавая табличка «продаётся участок».

Здесь не было ничего такого.

Только утоптанная земля.

Глубокие колеи — не от машин. От телег. От деревянных колёс, которые много раз проходили по одному и тому же месту. В колеях стояла густая грязь, хотя дождя вроде не было. Вдоль дороги росла трава, высокая, жёсткая, местами вытоптанная копытами.

Копытами.

Арина медленно повернула голову.

У одного из домов действительно стояла лошадь.

Невысокая, тёмная, с тяжёлой головой. Она жевала что-то из корыта и лениво помахивала хвостом, отгоняя мух.

Лошадь.

Не для прогулок.

Не «у соседей ферма».

Рабочая.

Обычная часть этого мира.

Дома тоже были не дачами.

Никаких пластиковых окон.
Никаких профлистовых заборов.
Никаких антенн.
Никаких проводов.

Низкие тёмные строения с кривыми стенами. Где-то дерево. Где-то камень. Где-то глина. Крыши — соломенные или покрытые тёмными досками. Дым поднимался из труб не тонкой аккуратной струйкой, а густо, тяжело, с запахом сырого дерева.

Запах.

Вот он ударил сильнее всего.

Не один.

Сразу много.

Земля.
Навоз.
Дым.
Сырость.
Кислое молоко.
Пот.
Сено.
Что-то жареное и подгоревшее.
И ещё — человеческая жизнь без канализации, без дезодорантов, без стиральных машин, без привычной городской стерильности.

Арина прикрыла рот ладонью.

Не от брезгливости.

От потрясения.

Мир пах иначе.

Не хуже даже.

Страшнее.

Потому что запах невозможно подделать до такой степени.

— Нет... — прошептала она.

Её собственный голос стал маленьким.

Почти детским.

Она посмотрела на свой дом.

И сердце снова споткнулось.

Дом стоял там.

На том же месте.

Но это был не тот дом.

Не её старый, покосившийся, с облупленными рамами, пыльными окнами и следами чужой заброшенности.

Этот дом выглядел новым.

Не современно новым — нет. Но крепким. Целым. Стены ровнее. Крыша не провалилась. Окно блестит тускло, как слюда или плохо очищенное стекло. Дверь тяжёлая. Укрыльца — не крапива по пояс, а утоптанная земля.

Будто кто-то перемотал время назад.

И не только дом.

Всё.

Арина смотрела на него, и холод колодезной воды вдруг показался почти тёплым по сравнению с тем, что поднималось внутри.

— Это не дача... — сказала она.

Слова вышли беззвучно.

Стефаний услышал.

Но не ответил.

И впервые в его взгляде появилось новое выражение.

Не страх.

Не жалость.

Оценка.

Так смотрят на человека, который выбивается.

Так смотрят в толпе на женщину, одетую не по правилам, говорящую не те слова, стоящую не там, где должна.

Арина почувствовала этот взгляд кожей.

И вдруг поняла: он тоже начинает понимать, что с ней что-то не так.

Не просто «миледи упала в колодец».

А хуже.

Она чужая.

— Миледи, — осторожно сказал Стефаний. — Вам лучше вернуться в дом.

Слово снова резануло.

Миледи.

В первый раз, когда он назвал её так у колодца, она почти не придала значения. Решила: странный мальчик, может, балуется, может, местные так шутят, может, где-то рядом реконструкторы, фестиваль, кино снимают.

Теперь слово стало страшным.

Потому что оно подходило этому миру.

А она — нет.

— Не называй меня так, — сказала Арина автоматически.

Стефаний нахмурился.

— Как?

— Миледи.

Он растерялся.

— Но вы...

Он не договорил.

Потому что сам, кажется, не знал, кто она.

В её мокрой футболке. В грязных босых ногах. С волосами, выбившимися из резинки. С голосом, который задавал невозможные вопросы.

Арина не двинулась к дому.

Не могла.

Если она войдёт туда — что увидит внутри?

Свою мебель?
Чужую?
Печь вместо плиты?
Людей?
Пустоту?

А если это всё исчезнет, стоит только открыть дверь?

Нет.

Она стояла посреди дороги и не знала, что страшнее: двигаться или оставаться.

И в этот момент заметила людей.

Они появились не сразу.

Сначала — один старик у забора. Сгорбленный, в грубой рубаше, с палкой в руке. Он не подходил, просто смотрел.

Потом женщина с ведром.

Она остановилась возле колодца — другого, настоящего, общего, с деревянным воротом. Ведро застыло у неё в руке.

Вода капала на землю, но женщина не замечала.

Потом мальчишка помладше Стефания выглянул из-за угла дома.

Потом ещё кто-то у дальнего сарая.

Они смотрели.

Не скрываясь.

Не украдкой.

Не так, как в городе, где на странного человека бросают быстрый взгляд и тут же отводят глаза, потому что «неприлично пялиться».

Здесь смотрели прямо.

Долго.

Тяжело.

Словно имели право.

Словно её тело, её лицо, её одежда были не личным, а общим событием.

Арина почувствовала эти взгляды почти физически.

Они ложились на кожу, как мокрая ткань.

Она опустила взгляд на себя.

И только теперь увидела.

Футболка промокла насквозь.

Тонкая ткань липла к груди, к животу, подчёркивала тело так откровенно, что у Арины перехватило дыхание. В её мире это было бы неприятно, неловко, может быть, стыдно, но решается: добежать до дома, переодеться, посмеяться потом над собой.

Здесь это было иначе.

Здесь её одежда не просто странная.

Она была неприличная.

Опасная.

Голые руки.
 Тонкая ткань.
 Брюки до колен, в которых она таскала мусор.
 Босые ноги, измазанные грязью.
 Волосы распущены и мокро прилипли к шее.

Она вдруг поняла, что для этих людей выглядит не просто чужой.

Открытой.

Беззащитной.

Выставленной.

И это ощущение ударило сильнее холода.

Арина резко скрестила руки на груди.

Как будто могла спрятаться.

Как будто её собственные руки могли заменить стены, дверь, замок, нормальную одежду, документы, телефон, право сказать «не смотрите».

— Почему они так смотрят? — спросила она почти шёпотом.

Стефаний не ответил сразу.

Он тоже смотрел на людей.

И на её одежду.

Но иначе.

Не с похотью — нет.

С тревогой.

— Потому что вы... не отсюда, — сказал он наконец.

Просто.

Как факт.

Арина сглотнула.

Горло было сухим, хотя ещё недавно она стояла по пояс в воде.

— Это розыгрыш, да? — спросила она.

Голос стал тоньше.

Просительным.

Ей было всё равно, как она звучит.

Ей нужен был выход.

Хоть какой-то.

— Скажи, что это розыгрыш. Что сейчас кто-то выйдет. Что это... ну... игра. Съёмки. Фестиваль. Что угодно.

Стефаний молчал.

И этого оказалось достаточно.

Внутри что-то окончательно упало.

Не с грохотом.

Тихо.

Как падает последний лист бумаги со стола, когда в комнате уже никого нет.

Арина подняла глаза.

На дома.
 На людей.
 На дым.
 На лошадь.
 На грязную дорогу.
 На слишком яркое небо.

Всё было настоящее.

Слишком настоящее.

Ни один розыгрыш не пах бы так.
 Ни один фестиваль не дал бы этим людям такие лица.
 Ни одна съёмочная группа не оставила бы её босой, мокрой, напуганной посреди деревни без объяснений.

И в этот момент она поняла.

Не логически.

Не словами.

Телом.

Кожей.

Дыханием.

Она не дома.

И прямо сейчас не вернётся.

— Миледи, — снова сказал Стефаний.

Теперь тише.

Почти умоляюще.

— Вам нельзя так стоять.

Арина резко посмотрела на него.

— Почему?

Он колебался.

Всего секунду.

Но этой секунды хватило, чтобы страх стал гуще.

— Потому что... — он понизил голос, — если вас увидят люди господина...

Он замолчал.

Арина ждала.

Сердце стучало так громко, что она почти не слышала де-

ревню.

— Что? — спросила она. — Что тогда?

Стефаний посмотрел на дорогу, потом на людей, потом снова на неё.

— Вас могут забрать.

Слово упало тяжело.

Забрать.

Не «пригласить».
Не «проводить».
Не «помочь».
Не «отвести».

Забрать.

Как вещь.

Как животное.

Как найденное.

— Забрать? — повторила Арина.

— Да.

— Куда?

Стефаний отвёл взгляд.

Впервые.

И от этого ей стало холоднее.

— Куда прикажут.

Тишина.

Даже люди вокруг будто перестали шевелиться.

Арина смотрела на мальчика и чувствовала, как страх меняет форму.

До этого он был растерянностью.

*Я не понимаю.
Что происходит?
Где я?
Ка-*

кой сейчас год?

Теперь страх стал другим.

Точным.

Взрослым.

Настоящим.

Со мной могут сделать всё, что угодно.

И никто не спросит.

Не потому что они злые.

А потому что здесь так устроен мир.

Если она чужая женщина без семьи, без защиты, без понятного имени и статуса, в мокрой неприличной одежде посреди деревни, то любой, у кого есть власть, может решить её судьбу.

Просто потому что может.

В её мире тоже хватало несправедливости.

Мужчины уходили. Начальники давили. Люди судили. Деньги решали слишком многое. Но там у неё были хотя бы слова, законы, полиция, паспорт, телефон, мама, работа, банковская карта, дверь квартиры, которую можно закрыть изнутри.

Здесь у неё не было ничего.

Даже обуви.

Арина сделала шаг назад.

Потом ещё.

Грязь холодила ступни.

Люди смотрели.

Стефаний смотрел.

Дом, который был её домом и не был им, стоял за спиной как чужая декорация к чужой жизни.

— Мне нужно домой, — сказала она.

Тихо.

Упрямо.

Как будто если сказать это достаточно твёрдо, мир обязан будет исправиться.

Стефаний смотрел на неё долго.

В его лице было что-то почти жалостливое.

Но не детское.

Слишком взрослое для пятнадцати лет.

— Вы уже не там, миледи, — мягко ответил он.

И от этих слов стало холоднее, чем в воде колодца.

Арина медленно покачала головой.

— Нет.

Слово было слабым.

Почти бессмысленным.

Она повторила:

— Нет.

Потом ещё раз.

— Нет.

Каждый раз тише.

Стефаний сделал шаг к ней, но остановился, будто боялся спугнуть.

— Пойдёмте, — сказал он. — Пока никто не позвал стар-

шего.

— Какого старшего?

— Управителя.

— Управителя чего?

Он не понял вопроса.

Для него всё было очевидно.

У каждого места есть господин. У господина — управитель. У управителя — люди. У людей — право делать с теми, кто ниже, то, что велено.

Арина вдруг почувствовала, как её современный мозг, привыкший к словам «собственность», «договор», «личные границы», «заявление», «права», не находит здесь опоры.

Этот мир был построен не на праве.

На принадлежности.

Кому принадлежит земля.
 Кому принадлежит дом.
 Кому принадлежит работа.
 Кому принадлежит женщина, если рядом нет мужчины, который скажет: моя.

Арина сжала руки на груди сильнее.

— Я никому не принадлежу, — прошептала она.

Стефаний услышал, но, кажется, не понял.

Или понял слишком хорошо, поэтому испугался.

— Не говорите так вслух, — быстро сказал он.

— Почему?

— Потому что это опасные слова.

Она чуть не рассмеялась.

Сухо.

Безумно.

Опасные слова.

В её мире это была фраза из манифеста, из психотерапевтического поста, из разговора с подругами после развода.

Я никому не принадлежу.

Здесь это могло стать обвинением.

Доказательством безумия.

Или вызовом порядку.

Арина смотрела на мальчика и впервые за всё время поняла: он пытается помочь.

Не объяснить.

Не спасти полностью — у него для этого нет сил.

Но хотя бы не дать ей совершить ошибку на глазах у тех, кто уже начал складывать о ней мнение.

— Куда? — спросила она глухо.

— На рынок лучше не ходить так, — сказал он. — И к дороге тоже. Вас увидят.

— Так куда?

Он посмотрел на дом.

На тот самый дом.

Её дом.

И не её.

— Туда.

Арина обернулась.

Дом стоял под солнцем, целый, чужой, почти насмешливый.

Она почувствовала, как внутри всё сопротивляется.

Если она войдёт, это станет настоящим.

Пока она стоит здесь, на дороге, можно ещё держаться за безумную версию: сейчас всё объяснится, сейчас проснётся, сейчас появится сосед, сейчас зазвонит телефон.

Но телефона у неё не было.

Он остался там.

В доме.

В другом времени.

Или в другом мире.

Арина вдруг поняла, что даже не знает, где её телефон.

На кухне?
 На подоконнике?
 У бутылки вина?
 В старом доме, которого здесь уже нет?

Эта мелочь ударила неожиданно сильно.

Телефон был не просто предметом.

Он был связью.

С мамой.
 С работой.
 С картами.
 С банком.
 С тем самым миром, где если страшно — можно хотя бы кому-то позвонить.

Здесь она могла кричать.

И её просто заберут.

Женщина с ведром что-то сказала старику.

Тихо.

Но Арина услышала интонацию.

Тревожную.

Слух уже начинался.

Ещё минута — и он побежит дальше. К дому, к дороге, к людям господина, к тем, кто решит, что странную мокрую женщину нужно привести, осмотреть, допросить.

Или просто забрать.

Стефаний тоже это понял.

— Быстрее, — сказал он.

Теперь уже не мягко.

Почти приказом.

Арина хотела возмутиться.

Но не смогла.

Потому что он был прав.

Она сделала шаг к дому.

Потом остановилась.

Посмотрела на людей.

На их лица.

На их тяжёлые взгляды.

Её вдруг захлестнуло унижение.

Такое острое, что захотелось закричать.

Ещё вчера она была взрослой женщиной. Тридцать два года. Бухгалтер. Разведена, да. Устала, да. Но у неё была квартира, работа, деньги на старый дом, право покупать вино, право злиться на бывшего мужа, право бросить камень в собственном дворе.

А теперь она стояла босая, мокрая, бесправная, и мальчик пятнадцати лет объяснял ей, что её могут забрать, если она не спрячется.

Это было не сказочное попадание.

Не приключение.

Это было падение вниз.

Сначала в колодец.

Теперь — в мир, где она снова должна доказывать право
быть человеком.

Арина медленно выдохнула.

Подняла подбородок.

Не потому что стала смелой.

Потому что если сейчас согнуться, люди это увидят.

А она уже поняла: здесь слабость замечают быстро.

— Идём, — сказала она.

Стефаний кивнул.

Они пошли к дому.

Она чувствовала спиной взгляды.

Каждый шаг босыми ногами по грязной дороге был напо-
минанием: это не сон.

Камешек впился в пятку.

Она поморщилась.

Боль была настоящей.

Солнце жгло мокрые плечи.

Холод пробирал изнутри.

Воздух пах дымом, навозом и чужим временем.

У крыльца Арина остановилась.

Коснулась рукой деревянного косяка.

Дерево было тёплым от солнца.

Грубым.

Настоящим.

Она вдруг вспомнила свой старый дом — тот, который купила у равнодушных внуков. Облупленные стены. Пыль. Хлам. Телефон с фотографией Валерия. Бутылку вина. Камень.

Камень.

Тот самый глухой звук.

Внутри всё сжалось.

Стефаний стоял рядом и ждал.

— Миледи?

Арина закрыла глаза на секунду.

Я не миледи.

Я Арина.

Арина Соколова.

Мне тридцать два.

Я из Химок.

Я бухгалтер.

Я не принадлежу этому миру.

Она открыла глаза.

И шагнула в дом.

Не потому что приняла.

Не потому что поверила.

А потому что на дороге оставаться было опаснее.

Дверь закрылась за ней тяжёлым деревянным звуком.

Снаружи остались взгляды.

Деревня.

Солнце.

И мир, который уже начал решать, кто она такая.

Арина стояла в полутёмных сенях, мокрая, босая, дрожащая, и впервые ясно поняла:

чтобы вернуться домой, ей сначала придётся выжить здесь.

Конец главы 3

ГЛАВА 4

Рынок

Она шла за Стефанием почти не чувствуя ног.

Не потому что успокоилась.

Нет.

Спокойствие было бы слишком роскошным словом для того, что творилось внутри неё. Там не было порядка, не было ясности, не было даже нормального страха, который можно назвать и с которым можно как-то справляться.

Внутри Арины всё смешалось.

Холодная вода колодца.
 Солнечный свет, ударивший в глаза.
 Мальчишка в странной одежде.
 Старый дом, который вдруг выглядел новым.
 Слова, которые не укладывались в голове.
 И главное — невозможное, чудовищное понимание, которое она всё ещё пыталась оттолкнуть.

*Это не Химки.
 Это не дача.
 Это не мой мир.*

Она шла, потому что идти было проще, чем стоять.

Стоять — значило думать.
 Думать — значило смотреть правде в лицо.
 А правда сейчас была похожа на чёрный колодец: достаточно наклониться — и снова сорвёшься.

Дорога под ногами была неровная. Не асфальт, не привычная дачная грунтовка, которую можно ругать за ямы и

лужи. Здесь земля была утоптана сотнями ног, колёсами телег, копытами животных. Местами она подсохла и потрескалась, местами оставалась влажной, тёмной, липкой. Камни впивались в ступни сквозь мокрую обувь. Грязь цеплялась к подошвам, будто не хотела отпускать.

Арина шла и чувствовала каждый шаг.

Джинсы неприятно липли к ногам. После колодца они не высохли до конца, ткань стала тяжёлой, грубой, будто чужой. Футболка прилипла к спине. Волосы, кое-как отжатые руками, лежали на плечах влажными прядями. От неё пахло сыростью, тиной и вином — или ей только казалось, что пахнет.

Солнце било сверху.

Яркое.
 Жаркое.
 Непривычно настоящее.

Не подмосковное мутное солнце сквозь облака и смог, а открытое, резкое, почти беспощадное. Оно высвечивало всё слишком чётко: пыль на дороге, траву у обочин, старые деревянные заборы, крыши домов, лица людей, которые попадались навстречу и смотрели на неё дольше, чем следовало.

Арина щурилась.

Пыталась одновременно идти, не спотыкаться, не отстать от мальчика и думать.

Это реконструкция.

Мысль была нелепой, но она вцепилась в неё так, как человек вцепляется в край лодки посреди ледяной воды.

Исторический фестиваль. Съёмки. Квест. Чёртов иммерсивный спектакль. Сейчас кто-нибудь выйдет с рацией. Сей-

час появится человек в кроссовках. Сейчас я увижу телефон. Машину. Провод. Столб. Хоть что-нибудь.

Она искала глазами признаки своего мира.

И не находила.

Ни одной пластиковой бутылки.
 Ни одного провода.
 Ни одной вывески.
 Ни одной антенны.
 Ни одного окна со стеклопакетом.
 Ни одного звука мотора.

Только дерево, глина, камень, ткань, дым.

И люди.

Слишком настоящие для спектакля.

На них была не красивая «средневековая» одежда из проката, не аккуратные костюмы для фотосессии. Всё выглядело грубо, неровно, обжито. Рубахи были вытерты на локтях. Подолы испачканы. Пояса потемнели от рук и пота. Обувь у многих была стоптанная, грубая. Лица — обветренные, настороженные, без той расслабленной игры, которая бывает у людей на фестивале, когда они изображают прошлое, но знают, что вечером вернутся в душ и вай-фай.

Эти не изображали.

Они жили.

И это было хуже всего.

Стефаний шёл впереди быстро, но время от времени оборачивался, проверяя, идёт ли она следом. Ему было лет пятнадцать, может, шестнадцать. Худой, жилистый, с торчащими волосами и внимательными глазами человека, который слишком рано научился понимать настроение взрослых по

одному взгляду.

Одежда на нём действительно напоминала мешок, как ей показалось сначала. Длинная грубая рубаша, подпоясанная верёвкой. Штаны из плотной тёмной ткани, заправленные в короткие сапоги. На плече — заплатка. На рукаве — ещё одна. Всё было не по размеру, но носилось с такой привычностью, будто другой одежды у него никогда и не было.

— Долго ещё? — спросила Арина, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Стефаний обернулся.

— До рынка недалеко, миледи.

Она поморщилась.

Это «миледи» било по нервам.

Сначала показалось смешным. Потом странным. Теперь — тревожным.

— Не называй меня так.

Он замедлил шаг.

— Как?

— Миледи.

Мальчик нахмурился, будто она попросила его не дышать.

— Но вы же...

— Я Арина.

Имя прозвучало слишком привычно в этом чужом воздухе. Как монета из другого государства, которую пытаются расплатиться на местном рынке.

— Арина, — осторожно повторил он.

С ударением не туда.

Почти «Ари́на», мягче, страннее.

Она почему-то почувствовала укол нежности.

Имя ещё было её.

Пока.

— Да, — сказала она. — Просто Арина.

Стефаний кивнул, но по лицу было видно: «просто» для него ничего не объясняло.

Они пошли дальше.

И вскоре Арина услышала звук.

Сначала далёкий.

Смутный.

Как гул.

Она остановилась.

— Что это?

Стефаний тоже замедлил шаг.

— Рынок.

Голоса становились ближе.

Их было много.

Слишком много после тишины дороги.

Но это был не городской шум. Не привычный ровный гул машин, шагов, дверей, сигналов, разговоров по телефону. Этот шум был живой, рваный, грубый. Люди кричали, спорили, смеялись, звали друг друга. Где-то визжала свинья. Где-то плакал ребёнок. Скрипели колёса. Звенело железо. Кто-то громко ругался, и интонация была понятна даже без

знания всех слов.

Арина почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

Люди.

С одной стороны — хорошо.

Люди означали помощь.

Свидетелей.

Ответы.

Возможность найти хоть кого-то взрослого, разумного, кто объяснит, что за бред происходит.

С другой стороны...

Люди означали взгляды.

Вопросы.

Опасность.

Она вдруг вспомнила себя со стороны.

Мокрые джинсы.
 Футболка.
 Распушенные волосы.
 Грязные кроссовки.
 Никаких документов.
 Телефон остался непонятно где.
 Денег — никаких, кроме, возможно, современных купюр, которые здесь будут выглядеть как нарисованные бумажки.

Ей стало холодно, несмотря на солнце.

— Стефаний, — сказала она тихо.

Он обернулся.

— Что скажем людям?

Мальчик отвёл взгляд.

И этого хватило.

Он тоже не знал.

Они вышли на площадь.

И Арина замерла.

Рынок.

Настоящий.

Не аккуратные торговые ряды с палатками, не фермерская ярмарка выходного дня, не милый исторический антураж с сувенирами и мёдом в баночках.

Это было тесное, шумное, пахнущее живым и мёртвым одновременно место.

Деревянные столы стояли неровными рядами. На них навалены товары: связки лука, грубые ткани, горшки, ножи, мотки верёвок, корзины с овощами, мешки с зерном. Мясо висело прямо на крюках — тёмное, тяжёлое, с жиром по краям. Над ним кружили мухи. Рыба лежала в плетёных лотках, и от неё тянуло густым запахом сырости, речной тины и скорой порчи. Где-то продавали хлеб — тёмный, плотный, потрескавшийся. Где-то — сыр. Где-то — деревянные ложки, гвозди, свечи, кур.

Куры кудахтали в клетках.

Свинья визжала так, будто её уже резали, хотя её только тянули за верёвку.

Мужчины спорили о цене мешка зерна. Женщина с красным лицом отчитывала мальчишку за разбитый горшок. Старик сидел на ящике и точил нож, не поднимая глаз. Две девочки босиком пробежали между рядами, одна несла кор-

зинку, другая смеялась, пока не увидела Арину.

И перестала.

Сначала её заметил один человек.

Мужчина у стола с рыбой.

Он поднял голову, прищурился.

Потом второй.

Женщина с корзиной.

Потом мальчик.

Потом ещё кто-то.

Взгляды начали цепляться.

Задерживаться.

Возвращаться.

Арина почувствовала это физически — будто по коже провели грубой тканью.

Шум рынка не исчез.

Но изменился.

Он стал ниже, осторожнее, напряжённее. Разговоры не оборвались полностью, но в них появились паузы. Кто-то толкнул соседа локтем. Кто-то повернулся всем корпусом. Кто-то поднялся со скамьи, чтобы лучше видеть.

И вскоре Арина поняла: смотрят уже почти все.

На неё.

Только на неё.

Она автоматически скрестила руки на груди.

И только сейчас по-настоящему осознала, как выглядит.

Джинсы.

Мокрые, тёмные, плотно облегающие ноги.

В её мире — обычная одежда. Самая обычная. В таких ходят в магазин, на дачу, в офис по пятницам, в электричке, на прогулку. Никто не смотрит.

Здесь — это было почти непристойно.

Все женщины вокруг были в длинных платьях, рубахах, передниках, грубых юбках. Тела скрыты слоями ткани. Руки чаще закрыты. Волосы у многих убраны под платки или покрывала.

А она стояла посреди площади в обтягивающих мокрых джинсах и тонкой футболке, которая после колодца липла к телу и наверняка обрисовывала больше, чем ей хотелось.

Щёки вспыхнули.

Не от стыда даже.

От ужаса.

Её рассматривали не как человека.

Как диковину.

Как животное, выведенное на площадь.

Как вещь, у которой нужно понять цену, происхождение и опасность.

— Стефаний... — прошептала она, почти не разжимая губ. — Почему они так смотрят?

Он не ответил сразу.

И это тоже было страшно.

— Потому что вы странно одеты, ми... Арина.

Он успел поправиться.

Но ей было не до этого.

— Странно? — она почти рассмеялась, но смех застрял.

— Это обычные джинсы.

Стефаний непонимающе моргнул.

— Джинсы?

Слово прозвучало в его устах так, будто она назвала закливание.

И в этот момент Арина поняла: объяснить не получится.

Не здесь.

Не сейчас.

К ним подошла женщина.

Возраст определить было трудно. Может, сорок. Может, пятьдесят. В этом мире лица, видимо, старели быстрее — от солнца, работы, ветра, плохой еды, тяжёлых родов и жизни, в которой никто не спрашивал, устала ли ты.

Лицо у неё было обветренное, с глубокими складками у рта. Волосы убраны под грязноватый платок. Глаза цепкие, серые, неприятно внимательные.

Она остановилась напротив Арины.

Близко.

Слишком близко.

И стала смотреть.

Не украдкой.

Не с вежливым интересом.

Прямо.
 Долго.
 Без стеснения.

Арина почувствовала, как внутри всё сжимается.

— Откуда ты такая? — спросила женщина.

Голос у неё был грубый, низкий.

Вокруг стало ещё тише.

Арина открыла рот.

И вдруг поняла, что не знает, что сказать.

Правду?

Я из Химок, упала в колодец у купленной дачи, кажется, перенеслась в прошлое или другой мир, помогите мне найти телефон и полицию?

Она бы сама на месте этих людей решила, что женщина безумна.

— Я... — начала она и запнулась.

Стефаний напрягся рядом.

— Я из Подмоскoвья, — вырвалось у Арины автоматически.

Самый идиотский ответ из возможных.

Женщина нахмурилась.

— Не знаю такого.

Кто-то рядом усмехнулся.

— Подмо-что?

— Может, земля такая за морем?
 — Да какая земля, смотри на неё.

Мужчина сбоку, широкий, с красным лицом и грязной бородой, ткнул пальцем в её ноги.

— Ткань какая. Гладкая. Плотная. Не наша.

Другой протянул шею:

— Богатая, значит.

— Богатые так не ходят, — фыркнула женщина. — Без покрывала. Без людей. Мокрая, как вытащенная из пруда.

— Или чужеземка, — сказал кто-то.

Слово упало тяжело.

Чужеземка.

Арина почувствовала, как холод прошёл по позвоночнику.

Её мозг сразу ухватился за это слово, как за опасный ярлык.

Чужая.

Не отсюда.

Не под защитой местных правил.

А значит — с ней можно иначе.

— Да какая я богатая, — попыталась она сказать.

Голос прозвучал слабо.

Почти жалко.

Это было ошибкой.

Слабость здесь чувствовали быстро.

Женщина подошла ещё ближе.

Арина отступила бы, но за спиной уже стояли люди.

Не вплотную.

Но достаточно.

Круг начал замыкаться.

— Покажи ткань, — сказала женщина.

— Что?

Не дожидаясь разрешения, та наклонилась и резко тронула джинсы на бедре Арины.

Пальцами.

Грубо.

Как трогают товар на рынке.

Арина дёрнулась.

Отвращение и страх вспыхнули одновременно.

— Не трогайте!

Она отступила назад.

Слишком резко.

Слишком громко.

И сразу поняла: ошибка.

Потому что вокруг стало тише.

По-настоящему.

Даже свинья где-то замолчала, будто рынок сам задержал дыхание.

Мужчина с красным лицом медленно улыбнулся.

— Гляди-ка. Голос поднимает.

— На кого? — добавила женщина, выпрямляясь.

Арина почувствовала, как кровь ударила в виски.

Она хотела сказать: *На того, кто меня лапает без разрешения.*

Хотела сказать: *Я не вещь.*

Хотела сказать: *Да что с вами не так?*

Но язык прилип к нёбу.

Потому что она вдруг поняла: здесь эти слова могут не

иметь силы.

Вообще.

В её мире у неё были привычные невидимые защиты. Закон. Полиция. Камеры. Люди с телефонами. Возможность кричать. Возможность сказать «я вызову». Даже если всё это работало не идеально, оно существовало в голове как опора.

Здесь — ничего.

Только площадь.

Чужие глаза.

И мальчик пятнадцати лет рядом.

Стефаний шагнул вперёд.

Чуть закрывая её собой.

Жест был трогательный и страшный одновременно — потому что он был ребёнком, а пытался защитить взрослую женщину от толпы.

— Она не знает наших порядков, — быстро сказал он. — Только прибыла.

— Откуда? — резко спросила женщина.

Стефаний замолчал.

На секунду.

Может, искал ответ. Может, не решился соврать.

Но этой секунды хватило.

Подозрение стало плотнее.

Арина почувствовала, как круг людей сжимается не телами — вниманием.

— Не знает, значит, — протянул мужчина. — А язык наш

знает.

— Не наш, — сказала другая женщина. — Говорит странно.

— С Индии, может? — крикнул кто-то сзади. — Там, говорят, золота много. И ткани такие, что вода скатывается.

— Да не похожа, — фыркнула первая. — Слишком бледная.

— Может, больная.

— Или ведь... — начал кто-то, но не договорил. Слово оборвалось.

Но Арина услышала начало.

И ей стало по-настоящему страшно.

Ведьма.

Они ещё не сказали.

Но уже могли.

— Я не из Индии, — сказала она, сама не понимая зачем.

— А откуда?

Подмосковье больше произносить не хотелось.

Оно прозвучит ещё хуже.

— Издалека.

Женщина прищурилась.

— Издалека все говорят, когда скрывают господина.

— Какого господина? — не поняла Арина.

Кто-то хмыкнул.

— Слышали? Господина не знает.

— Или делает вид.

— Может, сбежала?

— От кого?

— От мужа. От хозяина. От купца.

Слова летели со всех сторон.

Муж.
 Хозяин.
 Купец.

Арина стояла посреди площади и чувствовала, как внутри поднимается тошнота.

Они перебирали версии не о том, кто она.

А чья она.

Кому принадлежит.
 От кого сбежала.
 Кто имеет право её забрать.

И это вдруг ударило сильнее, чем сам перенос в чужой мир.

Потому что мир стал не просто странным.

Он стал враждебным на уровне правил.

В её мире она могла быть одинокой, разведённой, скучной, уставшей, но юридически — взрослой самостоятельной женщиной. У неё был паспорт. Работа. Банковская карта. Своя квартира. Теперь ещё и дом.

Здесь всё это исчезло.

Мгновенно.

Без следа.

Она стала телом в странной одежде на площади.

И люди вокруг уже решали, что с этим телом делать.

— Пойдём, — тихо сказал Стефаний.

Он взял её за локоть.

Осторожно.

Но крепко.

Арина не сопротивлялась.

Она чувствовала: ещё немного — и ситуация выйдет из-под контроля.

Не взрывом.

Хуже.

Толпа не всегда взрывается сразу. Иногда она сначала пробует. Подходит ближе. Трогает. Шутит. Проверяет, кто за человека вступится. И если никто — тогда уже решает.

Стефаний потянул её в сторону.

Арина сделала шаг.

Второй.

Люди расступались неохотно. Не потому что боялись, а потому что им было интересно, что будет дальше. Взгляды продолжали липнуть к ней.

К ногам.
 К груди.
 К мокрым волосам.
 К лицу.
 К рукам.
 К джинсам, которые в их глазах были не одеждой, а загадкой, вызовом, возможно — уликой.

Она слышала шёпот за спиной.

— Старосте сказать надо.
 — Старосте? Тут дело выше.
 — Может, люди господина узнают.
 — А если засланная?
 — Из вражьих земель?
 — С тканью такой?
 — Не проста.

Арина резко остановилась.

Стефаний дёрнулся, испуганно посмотрел на неё.

Она наклонилась к нему и прошептала:

— Кто такие люди господина?

Он не ответил сразу.

И это было уже ответом.

— Стефаний.

Мальчик сглотнул.

Впервые за всё время он выглядел не просто растерянным.

Напуганным.

— Те, кто смотрят за порядком.

— Полиция? — почти с надеждой спросила она.

Он не понял слова.

Конечно.

— Они решают, кого вести к старосте, кого к управителю, кого... — он запнулся.

— Кого что?

Стефаний отвёл взгляд.

— Кого вернуть хозяину.

У Арины похолодели пальцы.

— Какому хозяину?

Он посмотрел на неё серьёзно.

Слишком серьёзно для своего возраста.

— Если женщина одна, без семьи, без людей, без знака дома... спрашивают, кому она принадлежит.

Слова не сразу дошли.

Как бывает с ударом: сначала слышишь звук, а боль при-

ходит позже.

Арина смотрела на мальчика.

На рынок за его спиной.

На людей, которые всё ещё смотрели.

На женщину у стола, которая теперь что-то быстро говорила мужчине с красным лицом.

— Я никому не принадлежу, — сказала Арина.

Тихо.

Сначала почти спокойно.

Потом жёстче:

— Слышишь? Никому.

Стефаний смотрел на неё с такой жалостью, что ей стало страшно.

Не потому что он не поверил.

Потому что понял: она действительно не знает.

— Здесь так не бывает, — сказал он.

Мир на секунду остановился.

Звуки рынка отступили.

Солнце стало слишком ярким.

Грязь под ногами — слишком реальной.

Арина почувствовала, как холод медленно поднимается по позвоночнику, хотя жара всё ещё давила сверху.

Здесь так не бывает.

В её мире она могла потерять любовь, брак, смысл, уверенность, себя — но всё равно оставаться человеком, принадлежащим самой себе.

А здесь это, похоже, нужно было доказывать.

И, возможно, доказательств у неё не было.

Стефаний снова потянул её за локоть.

— Пойдём. Быстро.

Она пошла.

Теперь уже почти не чувствуя ни камней, ни грязи, ни боли в ступнях.

Позади рынок снова начал шуметь, но этот шум теперь был другим.

Он шёл за ней.

Как слух.

Как приговор, который ещё не произнесли.

Арина смотрела вперёд, на узкую улицу между деревянными домами, и впервые с момента пробуждения в колодце поняла до конца:

опасность здесь не только в том, что она попала в прошлое.

Не только в том, что не знает дороги домой.

Не только в том, что её одежда, речь и само существование вызывают вопросы.

Самое страшное было проще.

В этом мире она не была Ариной Соколовой, взрослой женщиной тридцати двух лет, бухгалтером из Химок, владелицей старого дачного дома и собственной жизни.

Здесь она была ничьей.

А значит — любой мог попытаться сделать её своей.

И эта мысль оказалась холоднее колодезной воды.

Конец главы 4

ГЛАВА 5

Дорога в замок

Они не успели уйти далеко.

Всего несколько шагов от площади.

Всего несколько вдохов после того, как рынок, казалось, снова начал жить своим шумным, грязным, чужим, но почти понятным ритмом.

Арина ещё держалась рядом со Стефанием, стараясь не ускорять шаг слишком явно. Ей хотелось уйти. Не просто уйти — скрыться. Свернуть за ближайший угол, исчезнуть между лавками, спрятаться за грубыми телегами, за мешками с зерном, за чужими спинами, за чем угодно.

Рынок давил на неё со всех сторон.

Запахами.
Голосами.
Взглядами.

Кислый дух капусты и мокрой шерсти, дым от жаровен, навоз под ногами, пряный запах трав, пот, старая кожа, рыба, железо, хлеб — всё смешивалось в тяжёлую, плотную средневековую реальность, от которой кружилась голова.

Ещё утром она была на своей даче.

Нет.

Не утром.

Она уже не понимала времени.

Там были Химки, бухгалтерия, старый домик, вино, фото Валерия, колодец. Там существовали телефоны, карты, бан-

коматы, скорая помощь, полиция, соседи, электричество, горячий душ.

Здесь люди смотрели на её джинсы так, будто она пришла не в одежде, а в доказательстве преступления.

Уйти. Просто уйти. Найти место, где можно подумать. Спрятаться. Понять, что происходит.

Она шла рядом со Стефанием и чувствовала, как ткань джинсов липнет к ногам после сырости колодца. Кроссовки были тяжёлыми, внутри противно хлюпала вода. Волосы, высушенные не до конца, прилипали к шее. Кожа зудела от грязи и страха.

И вдруг она почувствовала.

Сначала не слышала.

Именно почувствовала.

Как будто воздух вокруг стал тяжелее.

Будто что-то огромное вошло в пространство площади и заставило всех остальных стать меньше.

А потом пришёл звук.

Глухой.

Ритмичный.

Тяжёлый.

Копыта.

Не быстрый топот крестьянской лошади, не лёгкая возня телеги по камням.

Это был другой звук.

Властный.

Мерный.

Так не едут случайные люди.

Так появляется сила, которой привыкли уступать дорогу.

Стефаний резко замедлил шаг.

Арина почувствовала это раньше, чем увидела его лицо.

Мальчик рядом словно стал тоньше, меньше. Плечи его поднялись, шея втянулась, пальцы сжались на ремешке старой сумки.

— Что? — шепнула Арина.

Он не ответил.

Шум рынка начал гаснуть.

Не сразу.

Не резко.

Сначала оборвался один голос. Потом второй. Женщины у лавки перестала торговаться за связку лука. Мужчина, продававший ткань, замолчал на полуслове. Где-то перестал смеяться ребёнок. Кто-то быстро спрятал кошель у груди.

Рынок не исчез.

Он застыл.

Как огонь, на который плеснули водой: ещё дымится, ещё жив, но уже понятно — пламя сбито.

Арина обернулась.

И увидела, как люди расступаются.

Не с возмущением.

Не с любопытством.

По привычке.

Вот что испугало сильнее всего.

Никто не спрашивал, почему. Никто не ворчал. Никто не пытался задержаться на дороге. Люди просто отходили в стороны, опуская глаза, подтягивая к себе детей, прижимая корзины, мешки, куриц, собственный страх.

И между ними появились всадники.

Пятеро.

Лошади были крупные, тёмные, тяжёлые. Глянцевые бока дрожали под кожаными седлами. На уздах тускло блеснул металл. Под копытами камни площади звучали глухо, низко, будто земля действительно стонала под их весом.

Мужчины сидели в седлах прямо.

Жёстко.

Без лишних движений.

На них была тёмная плотная одежда, кожаные ремни, плащи, оружие.

Мечи.

Настоящие.

Не музейные.
 Не театральные.
 Не бутафория из исторического фестиваля.

Арина увидела рукояти, ножны, металл у пояса — и внезапно, до боли ясно поняла: эти мечи не для красоты. Ими убивали. Могли убить. Здесь, сейчас, при всех.

Она не сразу осознала, что затаила дыхание.

— Стефаний... — почти неслышно позвала она.

Он смотрел только вперёд.

На всадников.

Лицо его побелело под слоем пыли.

— Молчите, — прошептал он. — Пожалуйста.

Пожалуйста.

Это слово ударило хуже приказа.

Потому что в нём был страх.

Настоящий.

Не мальчишеский.

Не «нас сейчас отругают».

А страх человека, который знает: если власть остановилась рядом, она может забрать всё, что захочет.

Один из всадников выехал чуть вперёд.

Его лошадь остановилась в нескольких шагах от Арины.

Животное фыркнуло. Горячий влажный воздух коснулся её лица, пахнул травой, потом, кожей и железом. Арина с трудом удержалась, чтобы не отступить.

Всадник не был старым. Лет тридцать пять, может, сорок. Лицо загорелое, резкое, с холодными внимательными глазами. На щеке — тонкий белёсый шрам. Он держался так, будто даже молчание вокруг принадлежало ему.

Он медленно окинул взглядом толпу.

Не торопясь.

И Арине стало ясно: он не ищет, кто главный. Главный здесь уже он.

Потом его взгляд остановился на ней.

Слишком быстро.

Слишком точно.

Как будто он искал именно её.

Арина почувствовала это физически.

Как удар.

Он посмотрел на её джинсы.

На кроссовки.
 На куртку.
 На волосы.
 На ли-

цо.

Взгляд не был удивлённым.

И от этого стало ещё страшнее.

Если бы он удивился, она могла бы ухватиться за это: *да, да, странная, да, это ошибка, давайте разберёмся.*

Но в его глазах не было простого человеческого удивления.

Там был интерес.

Опасный.

Оценивающий.

Так смотрят не на чудо.

Так смотрят на возможную угрозу.

Или добычу.

— Кто это? — спросил он.

Голос прозвучал спокойно.

Даже негромко.

Но площадь услышала.

В его вопросе не было вопроса.

Только требование ответа.

Толпа молчала.

Пауза затянулась.

Арина слышала собственное дыхание. Слышала, как где-то рядом блеет коза. Слышала, как Стефаний очень тихо сглотнул.

Потом из толпы выкрикнули:

— Чужеземка, господин!

И словно этого ждали.

— Появилась ниоткуда!
 — С мальчишкой пришла!
 — Одежда не наша!
 — Говорит странно!
 — Может, из Индии! Там, говорят, ткани чудные и золота много!
 — Какая Индия, дура! Засланка она!
 — От врагов!
 — Шпионка!

Слова начали накладываться друг на друга.

Быстро.

Жадно.

Ещё несколько минут назад эти люди рассматривали её с любопытством, перешёптывались, шурились на её джинсы, пытались придумать объяснение. А теперь в присутствии вооружённых всадников любопытство превращалось в обвинение.

Так быстро.

Слишком быстро.

Слухи у народа проходят быстрее, чем здравый смысл.

Арина почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Нет, я не... — она сделала шаг вперёд.

Ошибка.

Она поняла это сразу.

Всадник перевёл взгляд на неё.

Резко.

И поднял руку.

Тишина упала мгновенно.

Не стихла.

Упала.

Как крышка.

Арина застыла.

Горло пересохло.

— Ты, — сказал он.

Одно слово.

Спокойное.

Но от него по спине прошёл холод.

— Подойди.

Это не было просьбой.

Стефаний едва заметно сжал её локоть.

— Не спорьте, — прошептал он. — Прошу вас.

Арина повернула к нему голову.

Увидела его лицо.

И поняла.

Если она сейчас откажется, будет хуже.

Гораздо хуже.

В её мире можно было возмутиться. Позвонить в полицию. Попросить документы. Снять на телефон. Написать жалобу. Накричать, в конце концов.

Здесь у неё не было телефона.

Не было прав.

Не было даже языка до конца.

Был только рынок, который уже решил, что она чужая.

И пятеро вооружённых мужчин на лошадях.

Арина сделала шаг.

Потом ещё.

Каждый шаг давался так, будто она шла через вязкую воду. Ноги были тяжёлые, колени слабые, мокрые кроссовки неприятно липли к ступням. Взгляды людей впивались в спину.

Она остановилась перед лошадыю.

Слишком близко.

Лошадь фыркнула снова, мотнула головой. Арина сжала пальцы, чтобы не отступить.

Всадник смотрел сверху вниз.

Долго.

Слишком долго.

Так смотрят на человека, которому не нужно объяснять, что он ниже.

— Откуда ты? — спросил он.

Арина сглотнула.

В голове метались варианты.

Сказать правду?

Я из Химок. Из Подмосковья. Я бухгалтер. Упала в колодезь на своей даче и проснулась здесь.

Да её сожгут, свяжут, объявят безумной.

Соврать?

Но как? Она не знает мест, названий, границ, правил. Любая ложь развалится на втором вопросе.

— Я... — голос сорвался. Она кашлянула. — Я заблудилась.

Слабый ответ.

Жалкий.

Она сама это поняла ещё до того, как увидела, как едва заметно дёрнулся уголок его губ.

Не улыбка.

Хуже.

— Заблудилась, — повторил он медленно.

Будто пробовал слово, взвешивал его и находил слишком лёгким.

Он наклонился чуть ниже.

— В таком виде?

Арина молчала.

Что она могла сказать?

Да, у нас женщины носят джинсы. Нет, это не мужская одежда. Нет, я не воин. Нет, я не шпионка. Нет, я сама не понимаю, где я.

Толпа ждала.

Воздух сжимался.

— Имя, — коротко сказал всадник.

— Арина.

Он повторил:

— А-ри-на.

Медленно.

Раздельно.

Как будто слово было чужой монетой, которую он проверяет на зуб.

Потом выпрямился.

— Странное имя.

Пауза.

— И странная ты.

Его взгляд снова прошёлся по ней сверху вниз. От волос к куртке, от куртки к джинсам, от джинсов к обуви.

Арина впервые в жизни почувствовала себя не одетой, а разоблачённой.

В её мире джинсы были защитой. Обыденностью. Практичностью.

Здесь они стали криком.

Доказательством, что она не отсюда.

— Говорят, появилась ниоткуда, — сказал он, обращаясь уже не только к ней, но и к площади.

Кто-то в толпе закивал.

— Так и есть, господин!
 — С мальчишкой пришла!
 — В колодце её нашли!
 — Может, подослали!
 — Из вражьего королевства!
 — Шпионка!

Слово снова прозвучало.

На этот раз громче.

Шпионка.

Оно упало как камень.

И круги от него пошли по толпе.

Арина почувствовала, как холод становится почти физическим. Он поднимался от мокрых кроссовок, через колени, живот, грудь — к горлу.

— Нет, — сказала она резко. — Я не шпионка. Я вообще не понимаю, где я!

Всадник поднял руку.

Она замолчала.

Сразу.

И именно это испугало её больше, чем всё остальное.

Она замолчала не потому, что согласилась.

А потому что тело поняло быстрее гордости: его жест здесь значит больше, чем её слова.

Он перевёл взгляд на толпу.

— У вас есть доказательства?

Тишина.

Никто не ответил.

Люди переглядывались, опускали глаза, прятали лица за капюшонами, платками, корзинами.

Доказательств не было.

Была странная женщина.
 Страх.
 Слух.
 Желание объяснить непонятное врагом.

Всадник кивнул.

— Значит, проверим.

Сказано было просто.

Но внутри у Арины что-то оборвалось.

— Как... проверим? — спросила она почти шёпотом.

Он посмотрел на неё.

Прямо.

— Отвезём.

Пауза.

— К тому, кто решает.

Сердце остановилось на долю секунды.

Потом ударило снова — больно, слишком сильно.

— Куда? — спросила Арина.

Она уже знала, что ответ ей не понравится.

Всадник произнёс спокойно:

— В замок.

Мир снова сдвинулся.

Резко.

Замок.

Слово, которое в её прошлой жизни было картинкой из экскурсий, открыток, сериалов. Каменные стены, красивые башни, романтика, легенды, рыцари, платья.

Здесь оно звучало иначе.

Не сказочно.

Опасно.

Замок — это не место, где ждёт бал.

Это место, где решают.

Где у человека может не быть голоса.

Где власть не объясняет.

Где ты становишься вопросом, на который ответят без тебя.

Арина вдруг поняла с такой ясностью, что стало трудно дышать:

она хотела исчезнуть.

От Валерия.
 От Химок.
 От работы.
 От серых потолков.
 От собственной пустоты.

И исчезла.

Но не в тишину.

А туда, где её будут рассматривать, допрашивать, оценивать, использовать.

— Нет, — вырвалось у неё.

Она сделала шаг назад.

И сразу почувствовала руки.

Сильные.

Жёсткие.

Два всадника уже спешили. Она даже не успела заметить, когда. Один схватил её за плечо, другой — за локоть. Пальцы впились в ткань куртки так крепко, что стало больно.

— Пустите! — Арина дёрнулась. — Я ничего не сделала!

Никто не отреагировал.

Это было страшнее крика.

Их лица оставались спокойными.

Они не злились. Не наслаждались. Не пытались унижить.

Просто выполняли действие.

Как берут мешок.

Как поднимают вещь.

Арина дёрнулась сильнее.

— Да вы что, с ума сошли?! Руки уберите!

Слова сорвались на русском.

Бесполезные.

Чужие.

Толпа зашумела, услышав непонятную речь.

— Слышали?
 — Не нашим языком!
 — Точно чужая!
 — Колдовка, может!

— Нет! — крикнула Арина уже на их языке, ломано, резко. — Нет! Я не...

Её не слушали.

Стефаний стоял в стороне.

Белый.

Маленький.

Беспомощный.

Арина встретила с ним взглядом на одно мгновение.

И увидела ужас.

Не за себя.

За неё.

Мальчик хотел помочь.

Она видела это.

В том, как он сделал едва заметное движение вперёд. В том, как сжались его губы. В том, как он посмотрел на руки мужчин, державших Арину.

Но он не мог.

Потому что здесь пятнадцатилетний мальчишка в грубой рубахе не бросается на вооружённых всадников.

Если хочет жить.

И если хочет, чтобы она прожила хоть немного дольше.

— Стефаний, — выдохнула Арина.

Он замотал головой.

Едва заметно.

Не надо.

И это добило сильнее всего.

Её повели к лошади.

Арина упиралась, но земля скользила под мокрой обувью. Один из мужчин подхватил её за талию, другой подтолкнул. Мир качнулся.

— Я сама! — рывкнула она, уже не понимая, на каком языке.

Её не слышали.

Или не посчитали нужным услышать.

Её подняли.

Грубо.

Резко.

Слишком легко.

Как будто её вес, её сопротивление, её воля — всё это ничего не значило перед мужскими руками и приказом.

Седло оказалось высоким, жёстким. Тело ударилось о кожу, нога неудобно подвернулась, она вскрикнула от боли.

Один из всадников сел позади неё, сразу прижав железной хваткой, чтобы не соскочила.

Арина застыла.

Чужое тело за спиной.

Чужая рука у её живота.

Запах кожи, пота, металла.

Паника вспыхнула резко, горячо.

— Не трогайте меня! — она попыталась вывернуться.

Рука на талии сжалась крепче.

— Сиди спокойно, — сказал мужчина позади.

Без злости.

Почти скучно.

Она почувствовала, как внутри что-то ломается от этого тона.

Не от боли.

От бесправия.

В её мире она могла быть одинокой, разведённой, скучной, уставшей, несчастной.

Но она всё ещё принадлежала себе.

Здесь это право исчезло за несколько секунд.

На площади.

При всех.

Просто потому что кто-то в седле сказал: отвезём.

— Пожалуйста, — выдохнула она.

Это слово вырвалось само.

И почти сразу стало стыдно.

Перед собой.

Перед Стефанием.

Перед всеми этими людьми, которые смотрели.

— Я не... я не сделала ничего плохого.

Всадник, тот самый, главный, даже не обернулся.

— Поедешь спокойно — не пострадаешь.

Холодный голос.

Не обещание безопасности.

Условие.

Будешь удобной — тебе не сделают больно.

Арина почувствовала, как к горлу подступают слёзы.

Она сдержала.

Не здесь.

Не при них.

Не на этой площади, где её уже превратили в слух.

Лошадь тронулась.

Сначала медленно.

Потом увереннее.

Рынок начал отступать.

Люди смотрели.

Молча.

Кто-то с любопытством.
 Кто-то со страхом.
 Кто-то с облегчением, что забрали не его.
 Кто-то с жадным ожиданием новой истории, которую можно будет пересказывать вечером у очага.

Никто не вмешался.

Потому что так и должно быть.

Вот что дошло до Арины окончательно.

Не потому что все плохие.
 Не потому что всем всё равно.
 А потому что в этом мире власть забирает — и люди отходят.

Это порядок.

Такой же привычный, как шум машин утром в Химках.

Только там он усыплял.

А здесь мог убить.

Она обернулась.

С трудом.

Через плечо.

Стефаний всё ещё стоял на краю площади.

Маленькая фигура среди чужих тел, лавок, мешков, дыма и грязи. Он смотрел ей вслед. Лицо его было бледным, губы сжаты, глаза огромные.

Арина хотела крикнуть ему что-нибудь.

Что?

*Беги?
 Спасибо?
 Найди меня?
 Не вини себя?*

Ни одно слово не подходило.

Потом толпа закрыла его.

И он исчез.

Арина отвернулась.

Впереди поднималась дорога.

За крышами домов, за стенами города, за серой полосой неба виднелось что-то тёмное.

Сначала она не поняла.

Потом сердце похолодело.

Замок.

Он стоял на возвышении, тяжёлый, каменный, словно выросший не из земли, а из самой власти. Башни резали небо. Стены казались слишком толстыми, чтобы оттуда можно было выйти по своей воле.

Арина смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается новый страх.

Не тот, что на рынке.

Глубже.

Потому что рынок был хаосом.

А замок — системой.

Там её не просто схватят.

Там её рассмотрят.
 Запишут.
 Сравнят.
 Спросят.
 Решат.

И где-то внутри этой каменной громады был человек, которому её повезут.

Тот, кто решает.

Король?

Советник?

Судья?

Палач?

Она не знала.

Но уже понимала: в этом мире опаснее всего не мечи.

Опаснее всего — люди, которым не нужно объяснять свою

власть.

Лошадь ускорила шаг.

Площадь осталась позади.

Мокрые кроссовки свисали по бокам чужого седла. Джинсы тянули на коленях. Чужая рука всё ещё держала её, не позволяя упасть и не позволяя сбежать.

Арина закрыла глаза на секунду.

Внутри вспыхнула мысль.

Чёткая.

Беспощадная.

Обратной дороги нет.

Когда она открыла глаза, замок стал ближе.

И вместе с ним — её новая реальность.

Холодная.

Каменная.

Чужая.

Конец главы 5

ГЛАВА 6

Замок

Лошадь шла рывками.

Не так, как в фильмах, где всадник будто срастается с животным, свободно держит спину и смотрит вдаль, а ветер красиво треплет волосы.

Нет.

Здесь каждый шаг был ударом.

Грубым.
 Неловким.
 Живым.

Арина сидела в седле так, будто её туда положили неправильно и забыли объяснить, как пользоваться собственным телом. Лошадь под ней была тёплая, сильная, чужая. Мышцы животного перекачивались под кожей, спина двигалась, и от каждого этого движения Арину подбрасывало, сдвигало, заставляло вцепляться пальцами в переднюю луку седла.

Пальцы быстро затекли.

Ладони саднило.

Спина ныла от напряжения так, будто она весь день таскала тяжёлые коробки, хотя прошло, наверное, не больше часа. Или больше. Здесь время стало другим. Оно не мерилось уведомлениями, расписанием электричек, звонками, обедом, концом рабочего дня.

Оно тянулось дорогой.

Пылью.

Солнцем.

Болью в бёдрах.

И страхом.

Она никогда не ездила верхом.

В прежней жизни лошади существовали где-то далеко — в парках, на картинках, в туристических объявлениях «конная прогулка для двоих», куда она никогда не собиралась. Максимум — видела их у метро на каких-нибудь праздниках, с ленточками в гриве и уставшими глазами.

Теперь она сидела на настоящей лошади.

Не для прогулки.

Не для удовольствия.

Её везли.

Как задержанную.

Как находку.

Как проблему.

— Держись ровнее, — бросил кто-то сзади.

Грубо.

Без участия.

Будто её неудобство раздражало конвой больше, чем её собственная паника.

Арина не ответила.

Не потому что не хотела.

Не могла.

Всё внимание уходило внутрь — туда, где сердце билось слишком быстро, слишком часто, как испуганная птица о

стекло. Каждый вдох получался коротким, рваным. Воздуха будто не хватало, хотя вокруг было огромное открытое пространство.

Это не происходит.

Мысль появилась автоматически.

Как защита.

Это не со мной.

Она повторилась сама.

Снова.

Это не со мной.

Но тело не верило.

Тело чувствовало всё слишком ясно.

Грубую ткань чужого плаща на плечах.
Пыль на губах.
Ссадину на локте.
Боль в коленях.
Жёсткий край седла.
И верёвку на запястьях.

Верёвка была не тугой.

Её не стянули до боли, не перетянули кожу, не перекрыли кровь. Даже оставили возможность немного двигать пальцами.

Но она была.

Этого хватало.

Достаточно, чтобы каждый раз, когда Арина чуть шевелила руками, грубые волокна напоминали: она больше не распоряжается собой.

Не идёт — её ведут.
Не едет — её везут.
Не решает — за неё уже решили.

Она опустила взгляд.

На свои руки.

Обычные.

Знакомые.

Руки женщины тридцати двух лет, которая ещё вчера держала бутылку вина, телефон, тряпку, старые доски, ключи от купленного дома. Руки бухгалтера, привыкшие к клавиатуре, ручке, калькулятору, кружке чая.

И на этих руках теперь была чужая верёвка.

Грубая.
 Серая.
 Пахнущая пылью, потом и ко-
нюшной.

Контраст резанул так остро, что у Арины перехватило горло.

Она резко отвернулась.

Нельзя смотреть.

Если смотреть долго, станет слишком понятно.

А пока можно было держаться за невозможность происходящего.

Дорога уходила вперёд.

Далеко.

Слишком далеко.

Поля тянулись по обе стороны — широкие, неровные, местами заросшие высокой травой. Земля была не такой, как возле её дачи. Здесь она казалась старше. Темнее. В ней чувствовалась тяжесть — не удобренная, ухоженная дачная почва, а земля, которую топтали копытами, пахали деревянными-

ми плугами, поливали потом, кровью, дождём.

Небо было огромным.

Непривычно огромным.

В Химках небо всегда было разрезано домами, проводами, крышами, рекламой, окнами многоэтажек. Даже на даче оно смотрелось через ветки, через заборы, через привычку не поднимать голову слишком высоко.

Здесь небо давило.

Оно раскинулось над миром как купол, под которым некуда спрятаться.

Никаких линий электропередач.
Никаких асфальтовых дорог.
Никаких столбов.
Никаких машин.
Никаких следов её времени.

Только земля.
Трава.
Редкие деревья.
Пыль.
Люди с оружием.
И она — в чужом седле, с верёвкой на руках.

Арина сглотнула.

Во рту пересохло.

— Куда мы едем?.. — спросила она тихо.

Её голос прозвучал слабее, чем хотелось.

Он будто потерялся в пыли, в стуке копыт, в скрипе кожаной сбруи.

Никто не ответил сразу.

Мужчины вокруг ехали молча. Они переговаривались между собой короткими фразами, но стоило Арине заговорить — будто воздух становился плотнее. Её голос был здесь

чужим предметом. Как её одежда. Как её слова. Как она сама.

Наконец тот, кто ехал справа — широкоплечий, с тёмной щетиной и недовольным взглядом, — бросил:

— В замок.

Замок.

Слово она уже слышала.

На рынке.

В криках.

В испуганных объяснениях Стефания.

Но сейчас оно прозвучало иначе.

Не как предположение.

Не как декорация из фильма.

Как факт.

Как приговор.

Арина закрыла глаза на секунду.

И перед ней тут же всплыла другая жизнь.

Кухня.
Окно.
Чай.
Телефон.
Фото.

Валерий.

Рядом с ним — молодая женщина.

Счастливая.

Его новая жена.

И вдруг всё это показалось таким далёким, что стало почти невыносимо. Ещё вчера эта фотография разорвала ей грудь изнутри. Казалось, больше уже не будет. Казалось, именно там, у экрана телефона, закончилась её жизнь.

А теперь та боль отступила куда-то назад.

Не исчезла.

Просто стала маленькой.

Как светлое окно в доме, который остаётся за спиной, пока тебя увозят в ночь.

Господи, Валерий женился.

Мысль была странно будничной.

Почти нелепой.

Валерий женился, а я еду связанная верхом в средневековый замок.

Если бы кто-то сказал ей такое неделю назад, она бы решила, что человеку срочно нужна помощь.

Она резко открыла глаза.

— Это сон, — прошептала она. — Это просто сон.

Лошадь под ней в этот момент споткнулась о камень и дёрнулась.

Арина вскрикнула, вцепилась в седло, чуть не съехала набок. Мужчина справа раздражённо схватил повод, выровнял животное и бросил:

— Сиди.

Жёстко.

Реальность ответила сразу.

Болью в пальцах.

Рывком в животе.

Хриплым дыханием лошади.

Нет.

Это был не сон.

Сны не пахнут так резко потом, кожей и пылью.

Время тянулось странно.

То расплзлось, как мокрая ткань, когда Арине казалось, что они едут уже целую вечность, что солнце не двигается, что дорога бесконечна и будет только повторяться: копыта, пыль, боль, страх.

То вдруг сжималось, и она понимала, что не помнит последние несколько минут. Просто провал внутри сознания. Она будто выключалась, а потом снова возвращалась в седло, в тело, в верёвку.

Солнце медленно шло по небу.

Пыль поднималась от копыт и оседала на коже, на губах, на волосах. Арина чувствовала её на зубах — сухую, горькую. Горло першило. Жажда становилась всё сильнее.

Она старалась терпеть.

Глупо.

Автоматически.

Как в прежней жизни терпела неудобные разговоры, плохое настроение начальника, боль в спине после рабочего дня, одиночество по вечерам, когда не хотелось звонить маме, чтобы не услышать в голосе тревогу.

Но тело предало первым.

— Можно... воды? — спросила она хрипло.

Голос был почти не слышен.

Мужчина слева фыркнул.

Будто её просьба была смешной.

Арина жала зубы.

Стыд оказался неожиданно острым. Ей хотелось сказать что-то резкое, вернуть себе хоть кусочек достоинства, но язык прилипал к нёбу, а голова начала слегка кружиться.

Через пару секунд тот, кто ехал впереди, обернулся.

Он был старше остальных. Не старик — просто человек, привыкший командовать. Седая прядь у виска, широкий шрам на подбородке, внимательные глаза без лишней жестокости.

Он молча протянул флягу.

Не ласково.

Не участливо.

Просто потому, что пленница, потерявшая сознание в дороге, — лишняя морока.

Арина взяла флягу неловко, связанными руками.

Пальцы дрожали.

Вода оказалась тёплой, с привкусом металла и кожи. В прежней жизни она бы поморщилась. Сейчас пила жадно, слишком быстро, проливая на подбородок, на платье, на верёвку.

Это была лучшая вода в её жизни.

Она заставила себя остановиться, хотя хотелось выпить всё.

Вернула флягу.

— Спасибо, — прошептала она.

Мужчина не ответил.

И это тоже было ответом.

Здесь её благодарность ничего не меняла.

Здесь она пока не была человеком в полном смысле слова.

Она была чужой.

Подозрительной.

Вещью, которую везут показать.

Дорога начала подниматься.

Сначала незаметно. Лошади пошли медленнее, копыта стали тяжелее ударять по сухой земле. Потом склон стал круче. Поля остались ниже, дорога пошла между двумя каменистыми холмами, где трава была короче, жёстче, а ветер резче.

Арина не сразу поняла, почему мужчины вокруг стали тише.

Они не испугались.

Нет.

Скорее собрались.

Так люди ведут себя, когда приближаются к месту, где каждый шаг имеет значение.

Она подняла голову.

И увидела.

Сначала — силуэт.

Тёмный на фоне неба.

Потом чётче.

Серый камень.
 Высокие стены.
 Башни.
 Узкие окна, похожие на прорези.
 Зубцы по верхнему краю стен.

Замок.

Он стоял на возвышении, тяжёлый и огромный, будто вырос из самого холма и теперь смотрел вниз на всё вокруг.

На поля.
 На дороги.
 На деревни.
 На людей.
 На неё.

Арина замерла.

В груди стало пусто.

Так пусто, будто кто-то вычерпал из неё воздух.

— Нет... — выдохнула она почти беззвучно.

Это не должно быть настоящим.

Замки бывают в книгах, в кино, на экскурсиях, на открытках из Европы. Они бывают отреставрированные, подсвеченные, с кассой у входа и сувенирной лавкой. Бывают руины, к которым подъезжают туристические автобусы.

Но этот замок не был достопримечательностью.

Он был живым.

И страшным.

Чем ближе они подъезжали, тем сильнее Арина ощущала: перед ней не просто здание.

Власть.

Каменная.
 Древняя.
 Неподвижная.

Такая власть не объясняет.

Она стоит.

И все остальные должны понять сами, где их место.

Стены были высокими — выше, чем ей показалось изда- лека. Камень местами потемнел от времени и дождей. На

башнях развевались тёмные флаги с незнакомым знаком. У ворот стояли вооружённые люди.

Не стражники в условных костюмах.

Солдаты.

Настоящие.

С мечами, копьями, кожаными и металлическими деталями одежды, с лицами, на которых не было ни удивления, ни праздного любопытства.

Они смотрели на Арину.

Не так, как люди на рынке.

Там было любопытство, страх, суеверное возбуждение толпы.

Здесь — оценка.

Холодная.

Спокойная.

Будто они уже знали главное:

она — никто.

Никто, кого привезли к воротам.

Никто, чьё слово ничего не значит, пока его не разрешат услышать.

Арина невольно выпрямилась.

Не потому что стало смелее.

От страха.

Иногда тело выбирает гордость как последнюю защиту, когда бежать уже некуда.

Ворота начали открываться.

Медленно.

С тяжёлым, низким скрежетом.

Дерево и металл двигались так, будто сам замок размыкал челюсти.

У Арины похолодели пальцы.

Она вдруг отчётливо представила, что стоит перед пастью огромного зверя. Зверь стар. Терпелив. Сыт чужими судьбами. Он не торопится. Он знает: всё равно проглотит.

Лошадь пошла внутрь.

Арина сжалась, хотя пыталась не показывать.

Стоило им пересечь ворота, мир изменился.

Снаружи были ветер, небо, простор, поля.

Внутри — камень.

Звуки стали глуше. Копыта застучали по двору, отдаваясь эхом от стен. Воздух стал тяжелее, плотнее, пахнувший дымом, навозом, железом, сыростью, человеческим жильём и чем-то ещё — старым, холодным, замковым.

Стены сразу оказались ближе.

Небо — уже.

Окна — узкими щелями.

Движение вокруг — упорядоченным и чужим. Слуги с ведрами, мальчишки у конюшни, женщины у входа в боковое крыло, солдаты у арки — все замерли на мгновение, когда въехал отряд.

Арина почувствовала взгляды.

Они липли к коже.

К её лицу.
К волосам.
К странной одежде.
К связанным рукам.

Она опустила подбородок, но тут же заставила себя под-
нять.

Нет.

Не будет идти с опущенной головой.

Пусть страшно.

Пусть руки связаны.

Пусть она не понимает правил.

Но она ещё не умерла.

И пока не умерла — не обязана выглядеть как вещь.

Эта мысль была маленькой.

Но горячей.

Она держалась за неё.

Лошадь остановилась.

Всё произошло резко.

Кто-то подошёл сбоку, взял Арину за локоть и буквально
стянул вниз.

Она не успела правильно перенести вес. Ноги после дол-
гой езды не слушались, колени подогнулись. Земля ударила
в ступни болью. Мир качнулся.

Она почти упала.

Её удержали.

Не бережно.

Просто не дали рухнуть.

— Осторожнее, — бросил кто-то рядом. — Нам её ещё

показывать.

Слова прошли сквозь неё.

И застряли где-то внутри.

Показывать.

Не представить.

Не расспросить.

Не помочь.

Показывать.

Как странную вещь с рынка.
Как добычу.
Как доказательство.
Как зверя в клетке.

Арина подняла голову.

Каменный двор расплывался перед глазами от усталости и пыли. Высокие стены давили. Окна смотрели узко, неприветливо. Где-то наверху стоял человек с арбалетом. Слева вела арка в тёмный проход. Справа — лестница к массивной двери.

Всё было чужое.

И всё было слишком настоящим.

Вдруг пришла мысль:

Отсюда не уходят просто так.

Она не знала, откуда взяла это.

Но поняла сразу.

В этом месте не хлопают дверью и не говорят: «Я передумала». Не вызывают такси. Не звонят подруге. Не пишут в чат: «Девочки, вы не поверите, что со мной случилось».

Здесь уходят только с разрешения.

Или не уходят.

Арина сглотнула.

Горло пересохло снова.

— Куда меня ведут? — спросила она.

Ответ пришёл быстро.

Коротко.

Без попытки смягчить.

— К нему.

Пауза.

И потом:

— К королю.

Сердце ударило один раз.

Сильно.

И будто замерло.

Король.

До этого слово было частью общего кошмара.

Как замок.
 Как стража.
 Как рынок.
 Как средневековье.

Но теперь оно обрело направление.

Человека.

Её ведут не просто внутрь.

Не просто на допрос.

К нему.

К тому, чья воля здесь, вероятно, тяжелее этих стен.

Арина не знала его.

Не видела.

Не слышала его голоса.

Но уже понимала: это самый опасный человек в этом мире.

Не потому что он обязательно жесток.
 Не потому что он обязательно захочет ей зла.

А потому что ему, возможно, достаточно будет одного слова.

Одного жеста.

Одного взгляда.

Чтобы решить, кем она станет дальше.

Пленницей.
 Лгуньей.
 Колдуньей.
 Игрушкой.
 Угрозой.
 Или мёртвой.

Холод прошёл по телу медленно.

Глубоко.

От затылка — вдоль позвоночника — к самым пяткам.

Её подтолкнули вперёд.

Не сильно.

Но достаточно.

Арина сделала шаг.

Потом второй.

Камень под ногами был неровный, твёрдый, холодный даже через подошвы. Каждый звук во дворе будто стал тише, когда она пошла к массивной двери.

Её вели.

А она вдруг подумала о своей кухне в Химках.

О белом потолке.

О чае, который остывал быстрее, чем она его пила.

О том, как каждое утро спрашивала себя:

Это всё?

И теперь захотелось горько рассмеяться.

Нет, Арина.

Не всё.

Оказалось, жизнь умеет отвечать.

Только иногда её ответ похож на каменные стены, верёвку
на руках и дверь, за которой ждёт король.

Она подняла подбородок чуть выше.

Не потому что перестала бояться.

Потому что боялась слишком сильно.

А впереди тяжёлая дверь открылась.

Медленно.

Внутри было темно.

И туда её повели.

Конец главы 6

ГЛАВА 7

Трон

Каменные стены сжимали пространство.

Не сразу.

Сначала Арине показалось, что коридор просто узкий. Слишком старый. Слишком тёмный после улицы, где ещё было небо, воздух, чужие лица, крики торговцев и хоть какая-то возможность поверить, что вокруг — пусть кошмар, но живой.

Здесь жизни было меньше.

Здесь всё было камнем.

Стены поднимались по обе стороны так близко, что хотелось втянуть плечи. Их поверхность была неровной, грубой, местами влажной, местами потемневшей от копоти. Факелы в железных держателях горели редко, и свет от них не рассеивал мрак, а только делал его гуще, выхватывая из темноты углы, сколы, тени и чужие руки на рукоятях мечей.

Арина шла между стражниками и слышала собственные шаги.

Глухие.

Неровные.

Слишком громкие.

Каждый звук отдавался в стенах так, будто замок запоминал её. Будто этот коридор уже видел многих, кого вели туда

же, куда сейчас вели её, и не всех потом выводили обратно.

Пол был холодным.

Даже сквозь обувь.

Жёстким, чужим, неправильным. В её мире полы были ламинатом, плиткой, скрипучими дачными досками, серым подъездным бетоном. Они могли быть грязными, неудобными, холодными — но они принадлежали понятной реальности.

Этот камень — нет.

Он был из мира, где человек мог исчезнуть просто потому, что кто-то сильнее решил: так надо.

Воздух тоже был другим.

Не как снаружи.

На рынке он пах потом, животными, дымом, кислым вином, жареным тестом, грязью, страхом толпы. Там запахи били в лицо, смешивались, раздражали, но в них было движение.

Здесь воздух стоял.

Плотный.
 Тяжёлый.
 Пропитанный камнем, старым дымом и чем-то металлическим.

Кровью?

Арина тут же прогнала эту мысль.

Не надо.

Если начать думать о крови, она остановится прямо здесь. Сядет на холодный пол, прижмёт руки к груди и больше не сделает ни шага.

А шагать нужно.

Потому что её ведут.

Двое впереди.
 Один сзади.

Не грубо. Уже не тащат, как на рынке, не заламывают руки, не толкают в спину каждые несколько секунд. Но это даже хуже. В их спокойствии было полное отсутствие сомнений.

Они знали: она никуда не денется.

И Арина тоже знала.

Бежать было некуда.

Даже если она рванёт сейчас, даже если ударит кого-то локтем, даже если чудом выскользнет из рук — дальше коридоры, лестницы, двери, стража, стены, двор, ворота. Замок был не домом. Не зданием.

Он был ловушкой, построенной так, чтобы из неё не выходили без разрешения.

А разрешения у неё не было.

Они поднялись по лестнице.

Крутой.

Каменной.

Ступени были высокими, неровными, выбитыми временем посередине. Арина шла, держась прямо только потому, что спина уже устала дрожать. Платье — чужое, грубое, навязанное — путалось у ног. Ей хотелось подобрать подол, но руки были заняты страхом.

Странная мысль.

Но именно так она ощущала своё тело: будто руки, грудь, горло, живот — всё внутри занято удерживанием паники.

Шаг.

Ещё.

Ещё.

Сердце билось громко.

Так громко, что казалось, стражник за спиной слышит.

К королю.

Мысль звучала внутри почти смешно.

К королю.

В её прежней жизни короли были в учебниках истории, в новостях про чужие страны, в фильмах, в сериалах, где актёры с идеальными скулами сидели на красивых тронах, а вокруг горели свечи и играла музыка.

Там власть была картинкой.

Здесь она пахла железом.

И шла впереди неё шагами вооружённых мужчин.

Арина никогда не видела настоящего короля.

И теперь, когда это должно было случиться, ей не хотелось.

Совсем.

Она хотела обратно.

Даже не домой — это было слишком большое желание. Слишком болезненное.

Она хотела хотя бы на рынок. К шуму. К грязи. К чужим взглядам, которые осуждали её джинсы и странную речь, но

всё же были человеческими. Здесь же всё становилось тише и холоднее с каждым пролётом.

Чем выше они поднимались, тем сильнее ей казалось, что её ведут не к человеку.

К решению.

Они остановились у двери.

Большой.

Тяжёлой.

Тёмное дерево было почти чёрным, обитым широкими металлическими полосами. Железные заклёпки тускло блестели в свете факелов. На двери не было украшений в привычном смысле — ни резьбы, ни золота, ни красивых гербов, которые Арина ожидала бы увидеть в фильме.

Только вес.

Упрямый, грубый, подавляющий.

Такая дверь не просит постучать.

Она заставляет ждать.

Один из стражников поднял кулак и ударил.

Глухо.

Звук ушёл внутрь, не отразившись.

Пауза.

Арина почувствовала, как пересохло во рту.

Ей захотелось сглотнуть, но горло будто сжалось.

За дверью кто-то говорил. Далеко. Тихо. Потом голоса стихли.

И раздалось:

— Входите.

Голос был низкий.

Спокойный.

Не громкий.

Но по спине Арины прошёл холод.

Потому что этот голос не нуждался в громкости.

Он не просил открыть дверь. Не повышал тон, не торопил, не давил интонацией. Он просто прозвучал — и все вокруг подчинились.

Стражник нажал на створку.

Дверь открылась тяжело, с низким протяжным скрипом.

И Арину подтолкнули вперёд.

Несильно.

Но достаточно, чтобы она сделала шаг.

Мир изменился.

Сразу.

Коридор остался позади — тесный, тёмный, с каменными стенами, которые давили на плечи. А впереди раскрылось пространство.

Зал был огромным.

Не просто большим.

Огромным так, что у Арины на мгновение закружилась голова.

Потолок уходил вверх и терялся в тенях. Балки, каменные своды, узкие окна высоко над головой — всё было рассчитано не на удобство, а на подавление. На то, чтобы человек,

войдя сюда, сразу понял: он мал.

Очень мал.

Свет падал сверху через длинные узкие окна.

Холодный.

Бледный.

Он не заливал зал, а резал его косыми полосами, оставляя углы в полумраке. Пылинки медленно двигались в этих световых столбах, будто даже воздух здесь боялся спешить.

По стенам — голый камень.

Никаких мягких гобеленов, которые она ожидала увидеть. Никаких роскошных ковров, золота, красных бархатных занавесей, которые могли бы сделать власть красивой.

Здесь власть не пыталась нравиться.

Она просто была.

Пространство.
 Холод.
 Тишина.
 Камень.

И в глубине зала — трон.

Арина увидела его не сразу.

Сначала почувствовала.

Как чувствуют взгляд, даже не поднимая головы.

Трон стоял на возвышении в конце зала. Не золотой. Не украшенный драгоценностями. Не сказочный.

Каменный.

Тёмный.

Тяжёлый.

Он будто вырос из самого замка, из его стен и пола, из всех приказов, крови, клятв и смертей, которые когда-либо

здесь звучали.

И на нём сидел он.

Король.

Арина остановилась.

Не потому что решила.

Тело просто отказалось идти дальше.

Он сидел спокойно.

Слегка откинувшись.

Одна рука лежала на каменном подлокотнике. Вторая — на колене. Пальцы расслаблены. Плечи не напряжены. Лицо в полутени.

Он не двинулся, когда она вошла.

Но всё в нём было как натянутая струна.

Не расслабленность — контроль.

Не покой — готовность.

Арина вдруг поняла: опасность не всегда выглядит как движение. Иногда она сидит неподвижно и ждёт, пока ты сама подойдёшь ближе.

Его взгляд уже был на ней.

С самого входа.

Она почувствовала это раньше, чем смогла рассмотреть его лицо.

Взгляд.

Прямой.

Тяжёлый.

Без суеты.

Он не разглядывал её жадно, как некоторые мужчины на рынке. Не пялился на странную одежду, не кривился, не шептался, не усмехался.

Он смотрел так, будто она уже была предметом вопроса. И этот вопрос он собирался решить.

Арина почувствовала себя обнажённой.

Не телом.

Глубже.

Как будто его внимание сняло с неё всё внешнее: чужое платье, грязь, страх, злость, даже слова, которыми она могла бы защищаться. Осталось только то, что она сама не всегда хотела видеть.

Растерянность.
 Упрямство.
 Боль.
 И желание не согнуться.

— Подведите.

Голос прозвучал спокойно.

Без повышения.

Без угрозы.

Но стражники сразу двинулись.

Арина тоже.

Не потому что хотела подчиниться.

Потому что этот голос был устроен так, что мир вокруг уже подчинился, и ей пришлось идти вместе с ним.

Расстояние до трона казалось бесконечным.

Каждый шаг отдавался в зале слишком громко.

Арина чувствовала на себе взгляды.

Теперь она поняла: в зале были люди. Несколько мужчин у правой стены. Кто-то в тёмной одежде, кто-то с цепью на груди, двое стражников у колонн, ещё один пожилой мужчина с острым лицом и руками, сложенными за спиной.

Но она почти не видела их.

Всё внимание тянулось к королю.

Чем ближе она подходила, тем яснее становились детали.

Он не был красив в том гладком, безупречном смысле, который продают на обложках.

Нет.

Его лицо было резким.

Черты жёсткие. Скулы высокие. Линия челюсти твёрдая. Тёмные волосы, убранные назад, но несколько прядей всё равно выбились и легли у висков. На нём не было короны — и это почему-то пугало сильнее. Ему не нужен был знак, чтобы все знали, кто перед ними.

Взгляд — прямой.

Серый?
Нет, темнее.
Или свет так падал.

Арина не могла определить.

Она могла только чувствовать, как этот взгляд держит её крепче любых рук.

В нём не было мягкости.

Не было любопытной доброты.

Не было даже привычной мужской оценки.

Было другое.

Привычка к власти.

К тому, что слова исполняют.
Двери открывают.
Люди склоняют головы.
Ответы дают, когда спрашивают.

Арина остановилась слишком близко к возвышению.
Слишком далеко, чтобы быть рядом.
Слишком близко, чтобы чувствовать себя безопасно.
Стражник за её спиной опустил руку ей на плечо, принуждая к поклону.

Она напряглась.
Всё внутри вспыхнуло.
Нет.
Ей хотелось сбросить его руку.
Сказать: не трогай.
Она не вещь. Не преступница. Не животное, которое подводят показать хозяину.

Но плечо уже давили вниз.
Медленно.
Не больно.
Унизительно.
Арина стиснула зубы.
И не поклонилась до конца.
Чуть опустила голову.
Ровно настолько, чтобы это можно было принять за знак.
И ровно настолько, чтобы внутри самой себя не сломаться.

В зале стало тише.

Она почувствовала это.

Даже не увидела — почувствовала.

Кто-то заметил.

Король тоже.

Конечно.

Тишина длилась долго.

Слишком долго.

Арина стояла, чувствуя, как бьётся сердце, как по спине под платьем стекает холодный пот, как пальцы сами сжимаются в кулаки.

Он смотрел.

Медленно.

Не спеша.

Скользнул взглядом по её лицу. По спутанным волосам, которые так и не удалось полностью привести в порядок. По плечам. По чужому платью, которое сидело на ней неправильно — не как на местной женщине, не как на служанке, не как на знатной пленнице, а как маска, надетая второпях.

Его взгляд остановился чуть дольше на её руках.

На ссадинах.
 На следах грязи у ногтей.
 На том, как она сжимает пальцы.

Потом снова вернулся к лицу.

И Арина увидела: в его взгляде появился интерес.

Тихий.

Сдержанный.

Опасный.

Не удивление. Не жалость.

Интерес человека, который нашёл нечто непонятное и теперь решает, вскрыть ли это ножом или сначала расспросить.

— Подними голову.

Она не сразу поняла, что это обращено к ней.

Потом поняла.

Медленно подняла.

И их взгляды встретились.

В этот момент внутри что-то оборвалось.

Не от любви.

Не от восхищения.

От давления.

Его взгляд был не просто вниманием. Он будто входил глубже, чем дозволено. Пытался разобрать её на части, прочитать смысл за словами, страх за злостью, ложь за дыханием.

Арина вдруг поняла, что спрятаться некуда.

Ни за молчание.
 Ни за дерзость.
 Ни за историю про колодец.
 Ни за то, что сама она до сих пор не понимала, как оказалась здесь.

— Говорят, ты появилась ниоткуда, — произнёс он.

Голос ровный.

Не вопрос даже.

Утверждение, которое требовало ответа.

Арина сглотнула.

Горло было сухим.

— Я... — начала она и услышала, как слаб звучит её голос в этом огромном зале. — Я не знаю, как объяснить.

Он слегка наклонил голову.

— Попробуй.

Не просьба.

Совсем не просьба.

В её мире начальники тоже иногда говорили «попробуй» таким тоном, что выбора не оставалось. Но там максимум можно было получить выговор, переработку, неприятный разговор.

Здесь она не знала, чем расплачиваются за плохие ответы.

Арина вдохнула.

Глубоко.

Воздух пах камнем и дымом.

— Я была в другом месте, — сказала она медленно. — У себя. В доме. Потом упала в колодец. А когда выбралась... всё было другим. Люди, дома, язык. Я не понимаю, как это произошло.

Слова звучали жалко.

Она сама это слышала.

Слишком слабо.

Слишком бессмысленно.

Я упала в колодец и оказалась в средневековье.

Отлично, Арина.

Очень убедительно.

Тишина.

Он не перебивал.

Не смеялся.

Не помогал.

Просто ждал.

И это было хуже насмешки.

— В другом месте, — повторил он тихо.

Пауза.

— Где?

Вот оно.

Самое простое.

И самое невозможное.

Где?

Химки?
Подмосковье?
Россия?
Дача, которую она купила у внуков умершей старушки?
Мир, где люди спорят в комментариях, платят картой, вызывают такси через приложение и узнают о свадьбе бывшего мужа из социальных сетей?

Здесь этих слов не существовало.

Они не просто не поймут.

Они могут решить, что она лжёт.

И, может быть, будут правы со своей стороны: звучит как ложь.

— Я не знаю, как это называется здесь, — выдохнула она.

Где-то справа кто-то тихо усмехнулся.

Арина вздрогнула.

Её лицо вспыхнуло.

Стыд.

Злость.

Страх.

Всё вместе.

Король не отреагировал на смешок.

Даже взгляд не отвёл.

И от этого человек, позволивший себе усмешку, будто исчез из сцены. Стало ясно: пока король смотрит на неё, важны только они двое.

— Странная речь, — сказал он. — Странная одежда.

Пауза.

Его взгляд снова скользнул по ней.

Не похотливо.

Но так внимательно, что кожа под платьем словно стала тоньше.

— Странная ты.

Слова упали спокойно.

Без оскорбления.

Но внутри у Арины всё сжалось.

Странная.

Здесь это не комплимент.

Здесь странное сначала допрашивают, потом решают, насколько оно опасно.

— Я не шпионка, — сказала она резко. Слишком резко.
— Я ничего не знаю о ваших делах. О вашем королевстве. О ваших врагах. Я вообще не должна быть здесь.

В зале снова стало тише.

Она поняла, что сказала лишнее, ещё до того, как договорила.

Король чуть прищурился.

— Я не спрашивал.

Три слова.

Ровные.

Без злости.

Но они ударили так, будто её поставили на место ладонью.

Арина почувствовала, как краснеет.

Ей стало унизительно.

От собственного страха.
 От того, что она оправдывается.
 От того, что он даже не повысил голос, а ей уже хочется отступить.

Но отступать было некуда.

— Тогда зачем меня сюда привели? — спросила она.

Вопрос вырвался сам.

Слишком прямо.

Слишком по-современному.

В её мире она могла так спросить у начальника, у полицейского, у врача, у чиновника за стойкой. Да, с риском получить грубость, но всё же могла.

Здесь вопрос прозвучал как вызов.

Она поняла это по тому, как напрягся стражник за спиной.

По тому, как один из мужчин у стены поднял голову.

По тому, как тишина стала острее.

Арина замерла.

Поздно.

Король смотрел на неё.

Дольше, чем раньше.

И в его взгляде не появился гнев.

Это было неожиданно.

И страшнее.

Появился интерес.

Глубже.

— Потому что ты — загадка, — сказал он спокойно.

Пауза.

— А я не люблю загадки.

Он чуть подался вперёд.

Совсем немного.

Но зал будто стал меньше.

— Я их решаю.

Слова прозвучали тихо.

Почти мягко.

Но Арину пробрало до костей.

Решаю.

Не разгадываю.
 Не изучаю.
 Не пытаюсь понять.

Решаю.

Как проблему.

Как угрозу.

Как задачу, у которой должен быть итог.

Она заставила себя не отвести взгляд.

— И как вы собираетесь это сделать? — спросила она почти шёпотом.

Она хотела, чтобы голос звучал твёрдо.

Не получилось.

Король смотрел.

Несколько секунд.

Потом его губы едва заметно дрогнули.

Почти улыбка.

Не добрая.

Не злая.

Такая, от которой сердце ударило сильнее.

— Медленно.

Пауза.

— У меня достаточно времени.

У него — да.

А у неё — нет.

Эта мысль пришла внезапно.

Остро.

Как приговор.

У неё не было времени.

Где-то в другом мире мама, возможно, уже звонила ей. Коллеги могли писать в мессенджер. Дача стояла пустая. Телефон, если он остался там, разряжался. Или лежал в доме. Или вообще разбился. Вино пролилось в траву. Фанера над колодцем сдвинута.

Её жизнь продолжалась без неё первые часы.

А потом начнёт исчезать.

Как след на мокрой земле.

А здесь этот человек на каменном троне говорил, что у него достаточно времени.

Чтобы решать её.

— Я хочу вернуться, — сказала Арина.

Слова вышли неожиданно.

Не обдуманно.

Просто из самого больного места.

Король не изменился в лице.

— Все хотят куда-то вернуться.

— Нет. Вы не понимаете.

— Возможно.

— Я не отсюда.

— Это очевидно.

— Тогда отпустите меня.

Кто-то в зале резко втянул воздух.

Стражник за её спиной сжал её плечо.

Больно.

Теперь — больно.

Король поднял руку.

Стражник тут же ослабил хватку.

Арина почувствовала это.

И возненавидела, что её тело испытало облегчение от его жеста.

Он сам создал власть, при которой её держат.

И он же одним движением сделал хватку мягче.

Не надо путать это с добротой.

Не надо.

Король медленно поднялся с трона.

Арина не ожидала.

Ей казалось, он останется сидеть, будет смотреть сверху, говорить короткими фразами и решать её судьбу, не меняя положения.

Но он встал.

И зал будто сместился.

Он был высоким.

Широкоплечим.

Не громоздким, но сильным. В каждом движении было то странное сочетание спокойствия и опасности, которое бывает у людей, привыкших носить оружие не как украшение, а как продолжение тела.

Он спустился с возвышения.

Один шаг.

Второй.

Арина заставила себя не отступить.

Хотя тело хотело.

Очень.

Он остановился перед ней на расстоянии нескольких шагов.

Теперь между ними не было трона.

И стало хуже.

Трон хотя бы объяснял власть.

Без него оставался мужчина.

Живой.

Слишком близкий.

И всё равно король.

— Ты просишь свободы, — сказал он.

— Да.

— Но не можешь сказать, кто ты, откуда пришла и как оказалась в моём городе.

— Потому что я сама не знаю!

Голос сорвался.

Она услышала в нём отчаяние.

И ненавидела это.

— Я не знаю, — повторила тише. — Я проснулась в ко-
лодце. Меня вытащил мальчик. Я увидела дом, который дол-
жен быть старым, а он был новым. Люди говорят не так. Оде-
ваются не так. Всё не так. Я не понимаю, где я. Не понимаю,
почему. Я просто хочу домой.

Последнее слово прозвучало почти беззвучно.

Домой.

Дом уже не был Химками. Не был квартирой. Не был даже
дачей.

Дом стал всем, что она потеряла за один провал.

Король молчал.

Смотрел на неё.

И впервые его взгляд изменился едва заметно.

Не смягчился.

Нет.

Но стал внимательнее иначе.

Как будто он слышал не только слова, но и трещину под ними.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Арина замерла.

Странно.

До этого никто из тех, кто тащил, допрашивал, разглядывал и обвинял, кажется, не спросил её по-настоящему. Им было достаточно: чужая, странная, подозрительная.

Имя вдруг показалось слишком личным.

Слишком опасным.

Но не назвать — ещё опаснее.

— Арина.

Он повторил не сразу.

Будто пробовал имя на вкус.

— Арина.

В его голосе оно прозвучало иначе.

Ни мягко, ни грубо.

Просто точно.

Как если бы он поставил отметку на карте.

Она почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

Не надо.

Это всего лишь имя.

— Арина, — сказал он снова. — Ты понимаешь, что твоя

история звучит как ложь?

— Да.

— И всё равно стоишь на ней?

— Потому что это правда.

— Правда не всегда спасает.

— А ложь?

— Иногда.

Она смотрела на него.

— Вы предлагаете мне солгать?

— Я проверяю, умеешь ли ты понимать опасность.

— И как?

Он чуть наклонил голову.

— Плохо.

Несмотря на страх, несмотря на зал, несмотря на стражу,
в Арине вспыхнула злость.

Живая.

Горячая.

Почти спасительная.

— Простите, что не прошла подготовку по выживанию
при дворе перед тем, как провалиться в ваш колодец.

В зале стало мёртво тихо.

Кто-то за спиной, кажется, даже перестал дышать.

Арина поняла: всё.

Вот теперь точно всё.

Но король не рассердился.

Он смотрел на неё.

Долго.

И в его взгляде снова появилось то опасное, почти неуловимое движение интереса.

— Ты боишься, — сказал он.

Арина сжала зубы.

— Естественно.

— Но всё равно дерзишь.

— Это не дерзость.

— Нет?

— Это остатки личности.

Пауза.

Слова вырвались быстрее, чем она успела решить, стоит ли их говорить.

Король молчал.

Потом тихо произнёс:

— Остатки?

Арина отвернулась бы, если бы могла.

Но его взгляд держал.

— В вашем мире, — сказала она глухо, — меня сейчас пытаются превратить в то, чем удобно считать: шпионку, ведьму, сумасшедшую, преступницу. Я не знаю ваших правил. Не знаю, какие слова здесь могут убить. Но если я перестану говорить хоть что-то своё, от меня вообще ничего не останется.

Впервые она сказала это вслух.

И сама слышала.

От меня ничего не останется.

Это был её настоящий страх.

Не смерть.

Почти нет.

Смерть была слишком большой, слишком окончательной, слишком непредставимой.

А вот исчезнуть внутри — она уже умела.

После Валерия. После серых утр. После лет, когда становилась всё тише.

Этот мир мог закончить то, что началось там.

Король смотрел на неё.

И теперь молчание стало другим.

Не пустым.

Плотным.

— Оставьте нас, — сказал он.

Арина резко подняла голову.

Стражники тоже напряглись.

Один из мужчин у стены сделал шаг.

— Государь...

— Оставьте.

Тот замолчал.

Приказ был тихим.

Но спорить с ним не стали.

Люди начали выходить.

Сначала придворные. Потом стражники. Последний задержался у двери, но король даже не посмотрел на него.

Дверь закрылась тяжело.

Арина осталась в огромном зале одна.

С ним.

Паника поднялась мгновенно.

Горячая, слепая.

Нет.

Нет, так хуже.

При свидетелях страшно, но свидетели — это хоть какая-то граница. Без них пространство стало слишком большим и слишком пустым.

Король заметил.

— Я не причиню тебе вреда.

Арина коротко, нервно усмехнулась.

— Простите, если ваше слово пока не вызывает у меня полного доверия.

— Разумно.

Он сказал это без обиды.

И это сбило её сильнее, чем злость.

Он повернулся и медленно пошёл вдоль зала, не приближаясь к ней. Дал расстояние. Это тоже сбивало.

— Ты говоришь как человек, привыкший к другому устройству мира.

— Потому что я из другого мира.

Он остановился.

Посмотрел через плечо.

— Ты понимаешь, что за такие слова тебя могут сжечь?

Арина похолодела.

Вот оно.

Сказано спокойно.

Почти буднично.

— За правду?

— За то, что сочтут колдовством.

— Это не колдовство.

— Для тебя.

Она молчала.

— Для остальных, — продолжил он, — ты женщина, появившаяся из старого колодца в странной одежде, говорящая странные слова и не знающая ни земель, ни короля, ни законов. У страха очень простые объяснения. И очень быстрые руки.

Арина почувствовала, как ноги становятся ватными.

Сжечь.

Слово не укладывалось.

В её мире так не бывает.

Нет, бывает. В истории. В книгах. В новостях о далёкой дикости. Но не с ней. Не с бухгалтером из Химок. Не с женщиной, которая вчера разбирала старый дом и пила вино из горла.

— Почему вы говорите мне это? — спросила она.

— Чтобы ты перестала отвечать так, будто правда сама по себе щит.

— А что щит?

Он посмотрел на неё.

— Пока — я.

Эти слова должны были принести облегчение.

Но по коже прошёл холод.

Потому что щит, который держит тебя по своей воле, в любую минуту может стать стеной.

— Значит, вы меня не отпустите.

Он не ответил сразу.

И этого хватило.

Арина почувствовала, как внутри что-то опускается.

Тяжело.

Окончательно.

— Нет, — сказал он наконец. — Пока не отпущу.

Пока.

Слово ударило сильнее, чем «нет».

Потому что в нём была не надежда.

Условие.

Срок без даты.

Клетка без видимых прутьев.

— Я не ваша, — сказала Арина тихо.

Он смотрел на неё долго.

— Я этого не говорил.

— Но это здесь не обязательно говорить, да?

Молчание.

Он понял.

И она поняла, что он понял.

— Ты опасна, Арина, — произнёс он.

Голос стал тише.

— Я?

Она почти рассмеялась.

— Я ничего не знаю. Я даже не понимаю, где туалет в этом замке.

Его губы едва заметно дрогнули.

Но взгляд остался серьёзным.

— Именно. Ты ничего не знаешь — и всё равно нарушаешь порядок одним своим существованием. Люди уже говорят. Слухи быстрее лошадей. Кто-то решит, что ты знамение. Кто-то — что проклятие. Кто-то захочет использовать тебя. Кто-то — уничтожить.

— А вы?

Вопрос вырвался сам.

Он молчал.

Слишком долго.

Потом сказал:

— А я хочу понять, кто ты.

— Чтобы решить, что со мной делать?

— Да.

Честно.

Жестоко.

Без украшений.

Арина почувствовала, как горло сжалось.

— Спасибо за прямоту.

— Ложь была бы мягче.

— Но не лучше.

— Ты быстро учишься.

Она посмотрела на него.

И вдруг — совершенно не к месту, не вовремя, почти предательски — почувствовала, что злость на него держит её лучше, чем страх.

Он был опасен.

Он был властью.

Он держал её здесь.

Но он не был глуп.

И не прятал жестокость за сладкими словами.

После Валерия, после мягкого «ты хорошая, но скучная», эта открытая холодность почему-то ощущалась иначе. Не безопаснее. Нет.

Честнее.

И это было опасно.

Очень.

Он подошёл ближе.

Медленно.

Не вторгаясь резко, но сокращая расстояние так, что Арина почувствовала это всем телом.

Шаг.

Ещё.

Она заставила себя не отступать.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки.

Слишком близко для короля.

Слишком близко для пленницы.

Слишком близко для женщины, которая должна помнить только страх.

— Ты сказала, что хочешь домой, — произнёс он.

— Да.

— Если я найду способ понять, откуда ты пришла, ты расскажешь всё, что знаешь?

— Я и так рассказываю.

— Нет. Ты выбираешь слова.

Арина замерла.

Попал.

Она действительно выбирала.

Не говорила про телефоны так, как могла бы. Не объясняла, что такое Россия. Не рассказывала про интернет, электричество, машины, оружие, больницы, паспорта, камеры, банки, самолёты. Потому что каждое слово могло стать либо доказательством её безумия, либо оружием в чужих руках.

— А вы бы на моём месте не выбирали? — спросила она.

Он смотрел.

И вдруг сказал:

— Выбирал бы.

Ответ был неожиданным.

Слишком.

Арина не сразу нашлась.

— Тогда почему требуете от меня другого?

— Потому что ты в моей власти.

Вот она.

Правда этого мира.

Без прикрытия.

Арина почувствовала, как внутри снова вспыхнула злость.

— И это делает вас правым?

— Нет.

Пауза.

— Это делает меня ответственным за последствия.

Она смотрела на него.

Её дыхание стало неровным.

— Удобная формулировка.

— Неудобная. Но точная.

— Для вас.

— Для всех, кто живёт под моей короной.

Корона.

Он произнёс это слово без гордости.

Скорее, как тяжесть.

Арина вдруг впервые подумала, что власть на нём не только как оружие.

Как груз.

Эта мысль была лишней.

Ненужной.

Опасной.

Не надо видеть в нём человека.

Не сейчас.

Не здесь.

Не тогда, когда он решает, останется ли она свободной хотя бы внутри.

— Что будет со мной? — спросила она.

Голос стал тише.

Усталость навалилась внезапно.

Слишком много страха за один день. Слишком много чужого языка, чужих лиц, чужих рук, чужих решений.

Король смотрел на неё.

— Тебя разместят в замке.

— Запрут?

— Охранят.

— Это разные слова для одного и того же?

— Иногда.

Арина горько усмехнулась.

— Честность у вас дозированная.

— Полная честность редко бывает милосердной.

— А вы милосердны?

Он не ответил сразу.

Потом сказал:

— Не всегда.

От этого почему-то стало страшнее, чем если бы он сказал «да».

Потому что она поверила.

— Я не сделала ничего плохого, — сказала Арина.

— Я знаю.

Она вскинула на него глаза.

— Знаете?

— Думаю.

— Тогда...

— Но невиновность не равна безопасности.

Арина замолчала.

В этом мире всё было неправильно.

В её мире, по крайней мере в теории, если ты ничего не сделал, тебя должны отпустить. Да, теория часто ломалась, но она хотя бы существовала.

Здесь же он говорил это спокойно: ты можешь быть невиновна и всё равно опасна.

И, что хуже, она понимала логику.

— Я хочу, чтобы со мной говорили как с человеком, — сказала она.

Он смотрел на неё.

— А не как с чем?

Она сжала пальцы.

— Как с вещью. Уликой. Проблемой. Загадкой.

Пауза.

Он чуть склонил голову.

— Хорошо.

Арина моргнула.

— Что?

— Я буду говорить с тобой как с человеком.

Слишком просто.

Слишком быстро.

— И всё равно запру?

— Охраняю.

— Конечно.

На этот раз он почти улыбнулся.

Едва.

Но Арина увидела.

И от этой почти улыбки внутри что-то странно дрогнуло.

Не радость.

Не симпатия.

Опасное ощущение, что за камнем, властью и холодом там есть кто-то живой.

Она тут же разозлилась на себя.

Нельзя.

Нельзя.

Нельзя.

Он не спаситель. Не герой. Не мужчина из романа, который сейчас увидит её настоящую и влюбится вопреки правилам. Это реальный человек с реальной властью в мире, где её могут сжечь за неправильные слова.

Он опасен.

Запомни.

Опасен.

Дверь в зал открылась после его короткого жеста.

Стражники вошли почти мгновенно, будто всё это время стояли за порогом.

Конечно стояли.

Свободы не было даже в разговоре.

— Разместить её в восточном крыле, — сказал король. —

Не внизу. Приставить Марту. И стражу у двери.

Один из мужчин у стены, тот самый с острым лицом, быстро поднял взгляд.

— Государь, восточное крыло слишком близко к внутренним покоям.

— Я знаю, где находится восточное крыло, Рейнар.

Рейнар.

Имя впилося в память.

Советник? Приближённый? Опасный человек?

Арина поймала его взгляд и сразу поняла: этот точно не верит ей.

И не собирается.

— Как прикажете, — сказал Рейнар.

Но в его голосе не было согласия.

Только отложенный спор.

Король повернулся к Арине.

— Ты останешься здесь, пока я не решу иначе.

— Пока, — повторила она тихо.

Он услышал.

Конечно.

— Да, — сказал он. — Пока.

Это слово снова стало стеной.

Арина хотела сказать что-нибудь гордое.

Резкое.

Что-нибудь вроде: «Вы пожалеете».

Но это прозвучало бы смешно.

Она ничего не могла ему сделать.

Пока.

Вот и её слово.

Проклятое.

Она молча выпрямила спину.

Стражник подошёл, но не взял её сразу за руку. Посмотрел на короля, будто ждал разрешения.

Король сказал:

— Без грубости.

Арина стиснула зубы.

Опять.

Он устанавливает правила её клетки — и делает их чуть мягче.

И тело, предательское, усталое, хочет быть благодарным.

Нельзя.

Её повели к двери.

Она сделала несколько шагов.

Зал снова стал огромным. Каменный трон остался за спиной. Холодный свет ложился на пол длинными полосами. Где-то у стены Рейнар тихо говорил с другим мужчиной, но Арина не слышала слов.

Она думала только одно:

Он не отпустит.

Не сейчас.

Не скоро.

Может быть, никогда.

Эта мысль должна была сломать её.

Но вместо этого внутри, под страхом, под усталостью, под ужасом чужого мира вдруг шевельнулось что-то другое.

Не надежда.

Не смелость.

Соппротивление.

Маленькое.

Упрямое.

Живое.

Она уже почти дошла до двери, когда не выдержала.

Обернулась.

Король всё ещё стоял у подножия трона.

И смотрел на неё.

Не случайно.

Не после её движения.

Он смотрел всё это время.

И в его взгляде не было сомнений.

Только решение.

А ещё — интерес.

Тот самый.

Тихий.

Опасный.

Арина почувствовала, как сердце ударило сильнее.

Страх был там.

Конечно.

Но теперь рядом с ним появилось что-то ещё.

Глубже.

Страшнее.

Как будто в ней, после долгих месяцев, может быть лет пустоты, что-то медленно просыпалось.

Не потому что он был добр.

Он не был.

Не потому что она доверяла.

Не доверяла.

А потому что рядом с этой властью, с этой опасностью, с этим взглядом, который не проходил мимо, она вдруг остро, почти болезненно почувствовала себя существующей.

Видимой.

Живой.

И это испугало её сильнее короля.

Потому что страх можно пережить.

А вот снова захотеть жить —

после долгой внутренней тишины —

оказалось куда опаснее.

Дверь закрылась за ней тяжёлым ударом.

Но его взгляд остался.

На коже.
 В груди.
 В памяти.

И Арина поняла: это действительно только начало.

Конец главы 7

ГЛАВА 8

Комната с узким окном

Её вели молча.

Как и раньше.

Только теперь это молчание стало другим.

Не тем глухим молчанием дороги, когда её только схватили, когда вокруг был рынок, крики, запахи пота, дыма, навоза и чужого страха. Тогда всё происходило слишком быстро. Мир ещё не успел стать настоящим. Арина ещё могла цепляться за мысль, что это какая-то ошибка, дурной сон, травма после падения, бред от холода, алкоголя, удара головой.

Теперь — нет.

Теперь каждый шаг звучал окончательно.

Каменный коридор тянулся вперёд, узкий и длинный, с факелами в железных держателях. Пламя дрожало, отбрасывая на стены рваные тени. Под ногами был холодный камень, неровный, вытертый сотнями, тысячами чужих шагов. Где-то вдалеке скрипела дверь. Где-то звякнул металл. Где-то мужской голос произнёс короткий приказ — и тут же стих.

Замок жил.

Не шумно.

Сдержанно.

Опасно.

Каждый звук здесь будто имел право на существование,

кроме неё.

Арина шла между двумя стражниками и чувствовала себя слишком заметной. Слишком слышимой. Слишком чужой. Ткань грубого платья шуршала у ног, цеплялась за кожу. После джинсов и футболки это платье всё ещё казалось ей не одеждой, а способом объяснить телу, что прежняя жизнь закончилась.

Шаг.
 Ещё шаг.
 Ещё.

Она слышала собственное дыхание.

Слишком частое.

Слышала, как бьётся сердце.

Слышала, как скрипит полированная кожа ремней на стражниках, как побрякивает оружие, как один из них чуть сильнее наступает на правую ногу.

Мир вокруг был полон деталей.

Резких.

Жестоких.

И от этого реальных.

Её вели не куда-то.

Её вели туда, куда решили.

Без неё.

Это понимание было хуже страха.

Страх хотя бы вспыхивает. Его можно пережить: задрожать, закричать, сжать зубы, броситься, отступить. А это — ощущение, что у твоей жизни из рук вынули руль и даже не объяснили маршрут.

Она больше ничего не решала.

Куда идти.
 С кем говорить.
 Во что быть оде-
той.
 Где спать.
 Когда молчать.
 Когда отвечать.

В её мире, в её серой, скучной, якобы пустой жизни, у неё
хотя бы были ключи.

От квартиры.
 От машины.
 От старого дачного
домика.
 От почтового ящика.

Здесь ключи были у других.

И каждый поворот в коридоре напоминал ей об этом.

Стены были всё те же — каменные, холодные, тяжёлые.
Но теперь они перестали быть фоном. Раньше Арина смот-
рела на них как на декорацию чужого кошмара. Теперь ощу-
щала кожей: эти стены не просто вокруг.

Они держат.

Давят.

Сжимают пространство так, что даже вдох становится
осторожным.

Ей хотелось спросить, куда её ведут.

Но язык будто прилип к нёбу.

Да и какая разница?

Если бы ей ответили: в комнату, в темницу, к королю, к
палачу, в зал ожидания, к лекарю, — что бы это изменило?

Решение уже принято.

Не ею.

Стражник впереди остановился у узкой двери.

Тёмное дерево.

Железные полосы.

Большой замок.

Арина посмотрела на этот замок — и внутри что-то холодно провалилось.

Дверь открыли резко.

Петли скрипнули.

— Сюда.

Голос был короткий.

Без злости.

Без участия.

И это было почти хуже грубости.

Если бы он был жесток, она могла бы ненавидеть его. Если бы сочувствовал — могла бы ухватиться за слабую надежду. Но он просто выполнял приказ. Для него она была не женщиной, не человеком, не Ариной из Химок, которая ещё вчера думала, как бы покрасить стены на даче.

Она была объектом перемещения.

Из одного места в другое.

Её слегка подтолкнули в спину.

Не сильно.

Но этого хватило, чтобы Арина шагнула через порог быстрее, чем хотела.

Комната встретила её холодом.

Небольшая.

Каменные стены.
 Узкое окно высоко под потолком.
 Свет падал оттуда косой полосой, рассекая простран-

ство на бледное золото и серую тень.
 У стены — кровать. Простая. Деревянная. С тонким матрасом и грубым покрывалом.
 У другой стены — стол. Скамья. Глиняный кувшин.
 В углу — сундук, пустой или закрытый, Арина не знала.

Ничего лишнего.

Ничего мягкого.

Ничего, что говорило бы: здесь человеку должно быть хорошо.

Эта комната была не жильём.

Назначением.

— Останешься здесь, — сказал стражник за её спиной.

Так просто.

Будто речь шла о служебном кабинете, где ей предстоит подождать пять минут.

Арина резко обернулась.

— Что значит — останусь?

Он не ответил.

Или не понял.

Или понял достаточно, чтобы не отвечать.

Дверь закрылась.

Глухо.

Тяжело.

Такой звук бывает у крышки гроба в фильмах, которые Арина никогда не любила смотреть.

Потом щёлкнул замок.

Щелчок был негромкий.

Но он будто разрезал её жизнь на две части.

До.

И после.

Арина стояла посреди комнаты и не двигалась.

Как будто если не пошевелиться, всё можно будет отменить.

Как будто мир ещё не до конца зафиксировался, ещё не успел стать окончательным. Сейчас она моргнёт — и каменные стены исчезнут. Вместо них будет её дачная кухня, грязная после ремонта. На полу пакеты с мусором, на столе недопитая бутылка вина, в окне — тёмный участок. На телефоне — фотография Валерия со своей молодой женой.

И пусть даже это.

Пусть больно.

Пусть унижительно.

Пусть пусто.

Но своё.

Понятное.

Родное.

Она медленно вдохнула.

Один раз.

Второй.

Повернулась.

Комната не исчезла.

Камни остались камнями.

Дверь осталась дверью.

Окно — слишком высоким.

— Нет... — прошептала она.

Голос прозвучал слабо.

Жалко.

Она сама разозлилась на этот звук.

Нет.

Не так.

Она резко подошла к двери и дёрнула ручку.

Закрывается.

Конечно.

Дёрнула ещё раз.

Сильнее.

Дерево даже не дрогнуло.

— Откройте! — крикнула она.

Голос сорвался, ударился о дверь и вернулся к ней глухим эхом.

— Слышите?! Откройте!

Тишина.

Арина ударила ладонью по дереву.

Раз.

Ещё.

Боль вспыхнула в кисти, но она почти обрадовалась ей. Боль была настоящей. Её можно было понять.

— Вы не можете меня здесь держать!

Последние слова вырвались почти визгом.

И сразу же повисли в воздухе.

Смешные.

Бессильные.

Потому что ответ уже был в самом замке.

Могут.

Конечно могут.

Здесь это не нарушение прав. Не похищение. Не статья уголовного кодекса. Не повод звонить в полицию, адвокату, маме, подруге, кому угодно.

Здесь у неё не было номера экстренной службы.

Не было документов.

Не было статуса.

Не было даже языка, которым можно было бы объяснить, кем она была на самом деле.

Здесь могли.

И будут.

Арина медленно опустила руку.

Ладонь горела.

На коже проступило красное пятно.

Она смотрела на него и вдруг подумала: *в моём мире я могла бы написать заявление.*

Мысль была настолько нелепой, что ей захотелось засмеяться.

Но смех не вышел.

Она отошла от двери.

Села на край кровати.

Матрас был жёсткий.

Почти как доска под тонкой тканью.

Арина почувствовала это всем телом: усталой спиной, бёдрами, плечами. Здесь не было мягкости цивилизации. Ни пружинного матраса, ни пледа из магазина, ни подушки с привычным запахом, ни простыни, которую можно постирать в машинке.

Только грубая ткань.

Дерево.

Камень.

И тишина.

Тишина вдруг стала слишком громкой.

В Химках никогда не было такой тишины.

Даже ночью там что-то жило: лифт, трубы, машины, соседский телевизор, далёкий лай собак, шум трассы, вибрация телефона на тумбочке. Город всегда напоминал: ты не одна. Даже если никому не нужна, вокруг всё равно есть люди.

Здесь тишина была другой.

Она не утешала.

Она изолировала.

Далёкий скрип.
 Шаги где-то в коридоре.
 Ветер за узким окном.
 Треск факела снаружи.
 Её дыхание.

И больше ничего.

Арина закрыла лицо руками.

Пальцы дрожали.

Она пыталась остановить дрожь, сжать ладони сильнее, но это не помогало.

— Это не может быть, — прошептала она. — Это просто не может быть.

Но слова были пустыми.

В её мире фраза «этого не может быть» означала, что ты столкнулась с чем-то невероятным, но всё ещё надеешься на объяснение. Ошибка. Обман. Розыгрыш. Сон. Галлюцинация. Камера где-то спрятана. Кто-то сейчас выйдет и скажет: «Стоп, снято».

Здесь объяснение не приходило.

Колодец.

Стефаний.

Рынок.

Стражники.

Король.

Замок.

Её заперли в комнате.

И всё это продолжало существовать независимо от того, верила она или нет.

Арина подняла голову.

Посмотрела на свои руки.

Руки были те же.

Тонкие пальцы.
 Царапина на костяшке.
 След от удара по двери.
 Сломанный ноготь на большом паль-

це.
Кожа, пересохшая от воды и холода.

Её руки.

Но мир вокруг них уже был не её.

От этого стало страшнее, чем от двери.

Потому что тело оставалось прежним.

А жизнь — нет.

Она резко встала и подошла к окну.

Окно было слишком высоко. Узкое, вытянутое, как щель.

Не окно даже — бойница для света.

Арина поднялась на носки, ухватила пальцами за неровность в стене, вытянулась, чувствуя, как платье тянет под грудью и режет тканью кожу.

Снаружи был двор.

Каменный.

Большой.

Чужой.

Люди двигались вниз быстро и точно. Слуги несли корзины, вёдра, свёртки ткани. Стражники проходили парами. Где-то мальчишка тащил охапку дров, едва не падая под тяжестью. Женщина в сером платье резко одёрнула другую, та сразу склонила голову. В дальнем углу мужчина чистил лошадь, сильными движениями проводя щёткой по тёмной шее животного.

У каждого было место.

Роль.

Дело.

Даже самый бедный слуга понимал, куда идти, кому кланяться, кого бояться, кому отвечать.

А она...

Арина отпустила стену.

Опустилась на пятки.

И вдруг это ударило сильнее всего.

Она никто.

Не в метафорическом смысле, как после развода, когда казалось, что мир Валерия продолжился без неё. Не так, как в офисе, где она была «надёжной Ариной», полезной, но незаметной.

Здесь она действительно никто.

Без рода.
 Без защиты.
 Без имени, которое что-то значит.
 Без мужчины, за которым её признают.
 Без дома.
 Без денег.
 Без языка.
 Без права просто выйти за дверь.

Взрослая женщина, тридцать два года, бухгалтер, с опытом брака, развода, работы, ипотеки, налогов и коммунальных платежей — оказалась в мире, где всё это не имело веса.

Здесь она была чужой вещью, найденной у колодца.

Опасной.

Непонятной.

И потому — запертой.

— Я не могу здесь остаться, — сказала она тихо.

Слова прозвучали почти беззвучно.

Как признание, а не протест.

Она отошла от окна.

Начала ходить по комнате.

Туда-сюда.

Быстро.

Платье путалось в ногах. Камень отдавал холодом через тонкую подошву. Воздух казался слишком плотным. Хотелось двигаться, потому что стоять было невозможно.

Движение должно было помочь.

Не помогало.

Мысли начали давить.

Сначала кусками.

Потом всё быстрее.

Он женился.

Ты скучная.

С тобой ничего не происходит.

Ты купила дом, чтобы спрятаться.

Ты бросила камень.

Ты упала.

Ты не дома.

Ты не знаешь, как вернуться.

Ты заперта.

Тебя ведут, одевают, допрашивают, решают.

А потом пришла другая мысль.

Резкая.

Жестокая.

Почти светлая.

Теперь происходит.

Арина остановилась.

Так резко, будто кто-то ударил её в грудь.

Сердце сделало один сильный удар.

Потом второй.

Медленнее.

Глубже.

Теперь происходит.

Фраза была страшной.

Потому что была правдой.

Ещё вчера её жизнь казалась неподвижной. Серой. Пустой. Она стояла в старом доме, смотрела на фотографию бывшего мужа и чувствовала, что в ней нет ничего, за что можно ухватиться.

А теперь...

Теперь её сердце билось так сильно, что болело.

Теперь каждое движение имело значение.

Каждое слово могло спасти или погубить.

Каждый взгляд мог быть угрозой.

Каждая дверь — решением, принятым без неё.

Она боялась.

По-настоящему.

До сухости во рту.

До дрожи в пальцах.

До тошнотворной слабости в коленях.

Но вместе со страхом внутри появилось что-то ещё.

Острое.

Горячее.

Живое.

И это пугало почти сильнее.

Арина медленно опустилась на пол.

Спиной к стене.

Камень был ледяной. Холод сразу прошёл сквозь ткань, в позвоночник, в лопатки. Она должна была отодвинуться, встать, сесть на кровать. Но не двигалась.

Сидела.

Смотрела в одну точку.

Дышала.

Раз.
 Два.
 Три.

Впервые за долгое время внутри не было пустоты.

Был страх.

Да.

Но не только.

Была злость.

На замок.
 На стражников.
 На этот мир, где её можно запереть и назвать опасной.
 На себя, потому что часть её всё ещё пыталась анализировать, считать, искать закономерность, будто это отчёт с ошибками.

И была ещё одна вещь.

Опасная.

Почти постыдная.

Она чувствовала себя живой.

Не счастливой.

Не свободной.

Не сильной.

Но живой.

Будто тело, которое годами ходило по привычному кругу — работа, дом, сон, магазин, отчёты, чайник, потолок, — вдруг проснулось от удара.

Арина закрыла глаза.

И в темноте сразу всплыло его лицо.

Король.

Не имя.

Имени она не знала.

Только титул, который сам по себе был стеной.

Король.

Его взгляд.

Прямой.
 Жёсткий.
 Тяжёлый.

Он смотрел на неё не как на пустое место.

Не как Валерий в последние месяцы брака, когда его взгляд проходил мимо, будто она стала частью мебели. Не как коллеги, которые видели в ней спокойную женщину, способную закрыть квартальный отчёт. Не как люди на рынке, пялившиеся на её джинсы, волосы, странность.

Он смотрел иначе.

С подозрением.

С властью.

С интересом.

Так, будто она была задачей, которую он ещё не решил. Угрозой, которую нельзя сразу отбросить. Человеком, которого опасно недооценить.

Арина резко открыла глаза.

— Нет, — прошептала она.

Слово сорвалось быстро.

Почти испуганно.

Нет.

Нельзя.

Она не должна думать об этом.

Не сейчас.

Не здесь.

Не о нём.

Он — причина, по которой её заперли. Или одна из причин. Он — власть. Он — опасность. Мужчина, привыкший, что двери открываются перед ним и закрываются перед другими. Ей нельзя искать в его взгляде ничего, кроме угрозы.

Но мысль уже появилась.

И никуда не ушла.

Её не утешало, что он заметил её.

Это было опасно.

Потому что женщина, которую долго не видели, может начать тянуться даже к тому взгляду, который способен уничтожить.

Арина сжала руки в кулаки.

Ногти впились в ладони.

Боль помогла.

Немного.

— Не будь душой, — сказала она себе тихо. — Только этого не хватало.

Голос прозвучал хрипло.

Почти как чужой.

Тишина снова легла вокруг.

Тяжёлая.

Но теперь в ней было не только одиночество.

В ней было ожидание.

Арина сидела на холодном полу, в чужом платье, за запертой дверью, в мире, где её никто не ждал и никто не соби-
рался спрашивать, хочет ли она остаться.

И впервые окончательно поняла:

её жизнь больше не принадлежит ей.

Не в красивом драматическом смысле.

Буквально.

Её могут вызвать.
 Увести.
 Допрашивать.
 Переодеть.
 Запереть.
 Объявить шпионкой, ведь-
мой, сумасшедшей, кем угодно.
 Решить, когда она ест,
где спит, с кем говорит.

Она потеряла контроль.

Тот самый маленький, серый, скучный контроль, который
раньше казался ей клеткой.

Работа.
 Квартира.
 Чайник.
 Платёжки.
 Магазин у дома.
 Дача с облупленными стенами.

Господи.

Каким роскошным вдруг показалось право самой открыть дверь и выйти на улицу.

Арина закрыла глаза.

Слёзы не текли.

Пока нет.

Вместо них внутри было другое.

Холод.

Страх.

И крошечный, страшный огонь, который она не просила.

Теперь происходит.

Она ненавидела эту мысль.

И не могла от неё отказаться.

Потому что где-то глубоко, под ужасом, под унижением, под желанием вернуться домой, под болью от Валерия и его новой счастливой жизни, что-то в ней действительно откликнулось.

Жизнь вернулась не ласково.

Не бережно.

Она ворвалась, схватила за горло, швырнула в чужой мир и заперла в каменной комнате.

Но она вернулась.

Арина прижалась затылком к стене.

Камень был холодный.

Настоящий.

— Сегодня — нет, — прошептала она вдруг.

Сама не зная, кому говорит.

Замку?

Страху?

Тому взгляду, который нельзя вспоминать?

Себе?

— Сегодня я не сломаюсь.

Слова были тихими.

Смешными.

Почти бесполезными.

Но в этой комнате, где у неё не было ни ключей, ни прав, ни ответа, они стали первым, что она выбрала сама.

Сказать.

Не сломаюсь.

Хотя бы сегодня.

За дверью прошли шаги.

Остановились.

Арина замерла.

Сердце мгновенно ударило сильнее.

Шаги постояли.

Потом удалились.

Она выдохнула не сразу.

И в этой задержке дыхания поняла ещё одно:
отныне любой звук может стать началом.

Любая дверь — угрозой.

Любой взгляд — оружием.

А любой выбор — ценой.

Она открыла глаза и посмотрела на узкую полосу света из окна.

Свет медленно полз по каменному полу.

Холодный.

Чужой.

Но всё-таки свет.

Арина не знала, что будет дальше.

Не знала, кто придёт за ней.

Не знала, вернётся ли домой.

Не знала, почему при мысли о короле внутри вместе со страхом поднимается что-то ещё — тёмное, запретное, живое.

Но знала одно.

Она больше не могла позволить себе быть пустой.

Пустых в этом мире ломали быстрее.

Конец главы 8

ГЛАВА 9

ГЛАВА 9

Он пришёл один

Арина не знала, сколько прошло времени.

В этом мире время вообще перестало быть тем, чем было раньше.

В Химках оно жило в телефоне, в расписании электричек, в уведомлениях, в будильнике, в рабочих дедлайнах, в сроках сдачи отчётности. Там время можно было проверить одним движением пальца. Оно было цифровым, точным, раздражающим. Семь ноль-ноль. Девять пятнадцать. Обед. Конец рабочего дня. Последний автобус.

Здесь же оно стало мутным.

Как вода в старом колодце.

Свет в узком окне медленно сместился. Сначала лежал на полу бледным прямоугольником, потом вытянулся, стал тоньше, пополз до стены и начал исчезать. Тени в комнате удлинились, будто кто-то невидимый вытягивал их за края.

Но внутри комнаты время не шло.

Оно стояло.

Давило.

Застывало между каменными стенами.

Арина сидела у стены, поджав под себя ноги. Камень холодила спину даже через грубую ткань платья, которое ей вы-

дали. Платье было чужим во всём: в запахе, в весе, в том, как сковывало движения, как царапало кожу у шеи, как напоминало каждую минуту — её прежняя одежда исчезла вместе с прежней жизнью.

Джинсы.

Футболка.

Телефон.

Дом.

Мама.

Вино на старой кухне.

Камень в руке.

Крик в ночь.

Валерий, ты козёл.

Воспоминание вспыхнуло так нелепо, что ей захотелось рассмеяться.

Но смех не вышел.

Горло было слишком сухим.

Она поднялась.

Прошла два шага.

Комната маленькая. Каменная. Почти пустая. Узкая кровать у стены, деревянный стол, кувшин с водой, чаша, сундук, свеча, которая пахла жиром и дымом. Окно высоко. Так высоко, что даже если поставить стол, она вряд ли смогла бы выбраться. Да и куда?

В замок?

В чужой двор, где её схватят через десять шагов?

В мир, где она не знает дорог, законов, денег, языка до конца?

Арина дошла до двери.

Остановилась.

Дверь была тяжёлая.

Дубовая, тёмная, с железными полосами. Снаружи, конечно, стража. Она слышала иногда глухой шорох — шаг, кашель, звякнувшую пряжку. Её не оставили одну. Её заперли.

Не как гостью.

Не как спасённую.

Как опасность.

Или добычу.

От этой мысли по коже прошёл холод.

Она отступила от двери, снова прошла по комнате, вернулась к стене и села.

Мысли ходили кругами.

Колодец.
 Деревня.
 Люди на рынке.
 Шёпот.
 Стражники.
 Замок.

И он.

Король.

Арина не хотела думать о нём.

Это было разумно.

Опасных мужчин лучше держать в голове как угрозу: чётко, сухо, без деталей, как пункт в инструкции. Он — власть. Он — риск. Он — тот, от чьего слова зависит, дадут ей воду или бросят в подземелье.

Но память не слушалась.

Она слишком ясно вспоминала его взгляд.

Прямой.
 Тяжёлый.
 Не такой, как у остальных.

Остальные смотрели на неё как на чудовище, диковину, женщину в странной одежде, возможную шпионку, ведьму, проблему. Их взгляды скользили по ткани, волосам, лицу, пытались понять, куда её поместить в привычном порядке мира.

Он смотрел иначе.

Не мягче.

Нет.

Может быть, даже опаснее.

Он смотрел так, будто не пытался сразу назвать её.

А хотел понять.

И именно это пугало сильнее.

Когда тебя считают вещью, можно злиться. Когда тебя считают угрозой, можно защищаться. Когда тебя хотят использовать, можно искать способ стать неудобной.

Но когда тебя начинают видеть...

Арина закрыла глаза.

Нет.

Нельзя.

Это ловушка.

Он король.

Он может приказать.

Он может взять.

Он может решить, что её страх, злость, отказ, речь, слёзы — всё это тоже принадлежит ему, просто потому что в этом мире ему многое принадлежит.

Она открыла глаза и посмотрела на дверь.

Он не придёт.

Мысль была логичной.

Зачем ему?

Она — никто.

Женщина из чужого мира, которую нашли у колодца, при-тащили на рынок, привели в замок. Для него таких, наверное, десятки: просители, пленники, свидетели, обвиняемые, слуги, люди, судьбы которых проходят через его день и исчезают.

Она никто.

Никто.

Слово должно было успокаивать.

Не успокоило.

Потому что, если она никто, с ней можно сделать что угодно.

Щелчок.

Арина вздрогнула всем телом.

Звук был не громким, но в тишине комнаты он прозвучал как удар.

Железо в замке сдвинулось.

Сердце резко подскочило к горлу. Арина вскочила слишком быстро, платье спуталось у ног, ладонь машинально лег-

ла на стену, чтобы не потерять равновесие.

Дверь открылась.

Не рывком.

Медленно.

И он вошёл.

Один.

Без стражи.
 Без свиты.
 Без шума.

Просто появился в дверном проёме — высокий, тёмный, собранный — и этого оказалось достаточно, чтобы воздух в комнате изменился.

Сразу.

Будто комната была сосудом, и его присутствие вытеснило из неё всё лишнее.

Арина сделала шаг назад.

Инстинктивно.

Он заметил.

Конечно, заметил.

Его взгляд скользнул по её лицу, по напряжённым плечам, по руке, всё ещё прижатой к камню.

Но он ничего не сказал.

Закрыл за собой дверь.

Медленно.

Щелчок замка прозвучал громче, чем должен был.

И теперь они были вдвоём.

На самом деле вдвоём.

Без Марты.
 Без стражников.
 Без шума коридора.

Комната вдруг стала меньше.

Слишком маленькой.

Арина почувствовала это физически: стены приблизились, потолок опустился, воздух стал плотнее. Между ними было несколько шагов, но ей казалось, что расстояние уже опасно сократилось.

Король не спешил.

Он вообще двигался так, будто спешка была уделом тех, кто не имеет власти.

Сделал несколько шагов вперёд.

Остановился.

Смотрел.

Арина заставила себя не опускать глаза.

Это стоило усилия.

В её мире прямой взгляд ничего не значил или значил слишком многое в зависимости от ситуации. Здесь, она уже поняла, всё было иначе. Здесь взгляд мог быть вызовом. Ошибкой. Неповиновением.

Но опустить глаза сейчас значило бы признать то, что она ещё не была готова признать.

Что он выше.

Что она ниже.

Что её страх принадлежит ему.

— Тебе дали всё необходимое? — спросил он.

Голос прозвучал спокойно.

Почти буднично.

Так спрашивают не пленницу, которая сорвалась из своего мира и попала в средневековый замок. Так спрашивают гостью после дороги. Или лошадь после перевода в новый загон — если хочется быть честнее.

Арина моргнула.

Вопрос был слишком нормальным.

И от этого почти абсурдным.

— Да, — ответила она тихо.

Голос вышел слабее, чем хотелось.

Он кивнул.

Пауза.

Он не уходил.

Это начало давить сильнее любого вопроса.

Арина чувствовала собственное дыхание. Слишком частое. Слышала, как где-то в стене потрескивает камень от холода, как свеча издаёт слабое жирное шипение, как ткань платья трётся о её колени.

Он смотрел.

Она выдерживала.

Молчание между ними стало не пустым, а наполненным.

— Зачем вы пришли? — не выдержала она.

Слишком прямо.

Слишком быстро.

Слишком по-современному.

Но она не могла иначе. В этом мире все говорили во-круг смысла, во-круг власти, во-круг дозволенного. Арина же

слишком устала, слишком боялась и слишком плохо понимала правила, чтобы ходить кругами.

Он чуть склонил голову.

Не удивился.

Скорее отметил.

— Проверить.

— Что?

Пауза.

Его взгляд стал тяжелее.

— Тебя.

Слово упало спокойно.

Но внутри у Арины всё сжалось.

Проверить.

Её.

Как дверь.
 Как замок.
 Как оружие.
 Как подозрительную вещь, найденную у дороги.

Она выпрямилась.

Страх не ушёл.

Но поверх него поднялось другое — злость.

Тонкая, горячая, спасительная.

— Я не вещь, чтобы меня проверяли.

Слова вылетели почти автоматически.

И сразу после них воздух стал другим.

Острым.

Арина поняла: ошибка.

Возможно, большая.

Тишина.

Король смотрел на неё дольше, чем прежде.

В его лице не появилось гнева. Не дрогнула челюсть. Не сузились глаза от оскорбления. И это почему-то оказалось хуже.

Потому что вместо гнева в его взгляде появился интерес.

Настоящий.

Глубокий.

— Здесь — да, — сказал он.

Просто.

Как факт.

Не желая ранить.

Не пытаюсь унижить.

Именно поэтому слова ударили сильнее.

Арина сглотнула.

— Это ненормально.

Он сделал шаг ближе.

— Для тебя.

Ещё шаг.

— Не для этого мира.

Расстояние между ними сократилось.

Слишком быстро.

Тело отреагировало раньше разума: мышцы напряглись, дыхание сбилось, пальцы сжались в складке платья. Она отступила.

Один шаг.

Второй.

Спина упёрлась в холодную стену.

Дальше было некуда.

Он остановился.

Не коснулся.

Даже не поднял руки.

Но стоял достаточно близко, чтобы она чувствовала его присутствие.

Тепло от его тела в холодной комнате. Запах кожи, металла, дыма и чего-то горького — может, трав, может, вина, может, самого замка. Он был не просто человеком рядом. Он был силой рядом.

Слишком плотной.

Слишком живой.

Арина вдруг поняла, что боится не только того, что он может сделать.

Она боится того, как собственное тело реагирует на его близость.

Не желанием.

Нет.

Она не позволяла себе это слово.

Но напряжением.

Острым.

Предательским.

Слишком сильным для простого страха.

— Ты говоришь странно, — произнёс он тихо.

Голос стал ниже.

Не мягче.

Ближе.

Он поднял руку.

Арина замерла.

Инстинкт закричал внутри: *не двигаться*.

Она ненавидела этот инстинкт.

Ненавидела себя за то, что тело слушается его быстрее, чем гордость.

Его пальцы коснулись её волос.

Легко.

Почти неощутимо.

Он взял одну прядь, выбившуюся у лица, провёл по ней большим пальцем, словно проверял ткань, которой не видел прежде. Или не ткань.

Её.

От этого почти невесомого прикосновения по коже прошёл разряд.

Резкий.

Живой.

Арина вздрогнула.

Нельзя было не вздрогнуть.

Он почувствовал.

Конечно.

Его пальцы задержались на мгновение дольше.

Не грубо.

Не настойчиво.

Но достаточно, чтобы она поняла: он заметил всё.

— И реагируешь тоже странно, — сказал он.

Арина сделала вдох.

Слишком резкий.

Грудь болезненно поднялась под тесной шнуровкой.

— Не трогайте меня.

Шёпотом.

Но в этом шёпоте было всё: страх, злость, просьба, запрет, попытка удержать последний клочок себя.

Он не убрал руку сразу.

Смотрел.

Как будто действительно проверял.

Не волосы.

Не кожу.

Границу.

Её границу.

Арина не отвела взгляд.

Хотя внутри всё сжалось до боли.

Потом он отступил.

Медленно.

Опустил руку.

И это почему-то не принесло облегчения.

Наоборот.

Тепло исчезло, и комната стала холоднее.

Арина возненавидела себя за это ощущение.

— Боишься? — спросил он прямо.

Она молчала.

Ответ был очевиден.

Да.

Она боялась.

Этого мира.
Этой комнаты.
Тяжёлой двери.
Своей беспомощности.
Его власти.
Его взгляда.
Того, что он может подойти — и того, что уже отступил.

Он сделал паузу.

— Правильно.

Слово прозвучало спокойно.

Не издевательски.

Почти одобрительно.

— Это поможет тебе выжить.

Арина посмотрела на него.

— А если я не хочу выживать так?

Он чуть прищурился.

— Тогда ты не выживешь вовсе.

Тишина.

Жёсткая.

Без жалости.

Она почувствовала эти слова как стену.

Вот он — его мир.

Здесь не спрашивают, хочешь ли ты платить цену. Здесь сначала выживают, а потом, если повезёт, разбираются, что

осталось от тебя после этого выживания.

Арина опустила взгляд на свои руки.

Пальцы дрожали.

Она сжала их в кулаки.

Злость поднялась снова.

Тихая.

Упрямая.

— Вы привыкли, что вам подчиняются, да?

Слова вышли раньше, чем она успела их остановить.

Король замер.

Всего на секунду.

Но в этой секунде что-то изменилось.

Тонко.

Почти незаметно.

Его взгляд стал глубже.

Не холоднее.

Не мягче.

Опаснее.

— Да, — сказал он.

Просто.

Честно.

Без попытки казаться лучше.

Пауза.

— И ты будешь.

Арина почувствовала, как внутри всё вспыхнуло.

Страх и злость столкнулись так сильно, что она почти за-

была дышать.

Она должна была отвести глаза.

Наверное.

Должна была промолчать.

Сохранить силы.

Согласиться внешне, чтобы выиграть время.

Она понимала это.

Бухгалтерская часть её разума, привыкшая считать риски и не спорить с налоговой без документов, тихо шептала: *замолчи, дура, замолчи.*

Но другая часть — та, которую Валерий когда-то назвал скучной и которая, видимо, всё это время не умерла, а просто лежала под пеплом, — подняла голову.

Арина не отвела взгляд.

— Нет, — сказала она тихо.

Одно слово.

Совсем маленькое.

Но в этой комнате оно прозвучало громче крика.

Король смотрел на неё.

Секунда.
Другая.

И в его глазах вспыхнуло что-то.

Не раздражение.

Не гнев.

Интерес.

Настоящий.

Живой.

Опасный.

Так смотрят не на вещь.

Так смотрят на загадку.

И Арине стало страшнее.

Потому что вещь можно бросить, забыть, заменить.

А загадку хочется разгадать.

— Но сначала, — произнёс он тихо, — я хочу понять...

Он сделал ещё шаг.

Снова слишком близко.

Не касаясь.

Но близость стала почти физическим давлением.

— почему ты — нет.

Почему ты не склоняешься сразу.
 Почему споришь,
когда должна молчать.
 Почему смотришь прямо, хотя
боишься.
 Почему говоришь так, будто где-то существу-
ет мир, где королю можно сказать «не трогайте меня» — и
это что-то значит.

Он не произнёс этого вслух.

Но Арина услышала всё между словами.

И поняла: теперь он не отпустит легко.

Не потому что обязан.

Не только потому, что она подозрительна.

А потому что ему стало интересно.

Ему.

Королю.

Мужчине, которому, похоже, давно никто не говорил

«нет» так, будто это слово имеет вес.

Арина почувствовала, как по спине проходит холод.

Заинтересованность власти опаснее гнева.

Гнев может вспыхнуть и погаснуть.

Интерес умеет ждать.

Он отступил резко.

Как будто сам решил, что подошёл слишком близко.

Или что на сегодня достаточно.

Комната снова получила воздух.

Но уже другой.

Испорченный его присутствием.

Запомнивший.

— Отдыхай, — сказал он.

Коротко.

Почти приказ.

Арина молчала.

— Завтра продолжим.

Это «продолжим» прозвучало как обещание.

И как приговор.

Она не спросила, что именно они продолжат.

Допрос?
 Проверку?
 Игру в границы?
 Её

медленное привыкание к мысли, что в этом мире свобода начинается не там, где ты говоришь «нет», а там, где кто-то сильнее решает это «нет» пока уважить?

Он развернулся и пошёл к двери.

Арина смотрела на его спину.

На прямую линию плеч.
На тёмную ткань.
На руку, которая коснулась её волос и теперь спокойно легла на рукоять кинжала у пояса.

У двери он остановился.

Не обернулся сразу.

Потом всё же повернул голову.

— Арина.

Её имя.

Он произнёс его правильно.

Почти без акцента.

И от этого внутри что-то дрогнуло.

— Страх — не стыд, — сказал он. — Стыдно бывает тем, кто не понимает, чего следует бояться.

Она не ответила.

Не смогла.

Он открыл дверь.

В коридор ворвался холодный воздух и слабый свет факела.

Потом дверь закрылась.

Щелчок.

Тишина.

Арина осталась одна.

Но теперь одиночество стало другим.

Не пустым.

Нарушенным.

Будто он всё ещё стоял здесь — в воздухе, в камне, в её

слишком частом дыхании, в коже у виска, где его пальцы коснулись волос.

Она медленно опустилась на пол.

Ноги не держали.

Сердце билось слишком быстро.

Она закрыла глаза.

Перед внутренним взглядом снова возникло его лицо.

Не доброе.

Не злое.

Опасное.

Живое.

Она боялась этого мира.

Колодцев, стражи, толпы, замка, законов, которых не знала.

Но теперь поняла: сильнее всего она боится его.

И ещё страшнее —
себя рядом с ним.

Потому что где-то глубоко, под страхом, под злостью, под отчаянным желанием выжить и вернуться домой, в ней шевельнулось то, что она считала давно умершим.

Не любовь.

Нет.

До любви здесь было далеко, как до другого мира.

Но жизнь.

Та самая, которой, по словам Валерия, в ней не было.

И это было самым страшным.

Конец главы 9

ГЛАВА 10

Ночь не наступила сразу.

Она медленно просочилась в комнату — через узкое окно, через щели в камне, через тишину, которая становилась плотнее с каждой минутой.

Сначала свет просто потускнел.

Серые стены потеряли резкость.
 Углы размылись.
 Стол, скамья, кровать — всё стало чужими пятнами в полумраке.

Арина сидела на полу, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрела на дверь.

Не потому что ждала.

Нет.

Она говорила себе, что не ждёт.

Просто дверь была единственным местом, где могло что-то измениться.

И это было страшно.

После его ухода комната не стала пустой.

Наоборот.

Он как будто оставил здесь своё присутствие.

В воздухе.
 В камне.
 В её коже.

Арина ненавидела это ощущение.

Ненавидела себя за то, что не могла просто забыть.

Он вошёл.
 Посмотрел.
 Сказал несколько сло-

в.
 Коснулся её волос.

Всего лишь волос.

И всё.

Но тело помнило.

Предательски.

Слишком точно.

Пальцы у виска.
 Тёплое прикосновение.
 Пауза.

Та самая пауза, в которой он мог отступить сразу, но не отступил.

И она тоже не отступила.

Потому что дальше была стена.

Потому что некуда.

Потому что страшно.

И потому что...

Арина резко сжала ладони в кулаки.

— Нет.

Голос прозвучал хрипло.

Тихо.

Но в этой тишине — почти громко.

— Нет. Даже не думай.

Она сказала это себе.

Не ему.

Себе.

Потому что самой себе она сейчас доверяла меньше всего.

В её прошлой жизни всё было проще.

Не легче.

Но проще.

Боль там имела понятные причины.

Муж ушёл.
 Работа надоела.
 Квартира давила.
 Одиночество въедалось в привычки.

Всё можно было разложить.

Объяснить.

Назвать.

Даже слово «скучная» можно было ненавидеть, возвращаться к нему ночами, разбирать по косточкам, искать, где именно в ней началась эта пустота.

А здесь...

Здесь не было слов.

Здесь был камень, запах дыма, грубая ткань чужих людей и король, который смотрел так, будто весь мир принадлежал ему.

И, что хуже всего, был не совсем неправ.

Арина поднялась.

Ноги затекли.

Она прошла к окну и встала на цыпочки, цепляясь пальцами за каменный выступ.

Снаружи был двор.

Внизу двигались тени.

Слуги несли корзины.
 Стражник прошёл вдоль стены с факелом.
 Где-то хлопнула дверь.
 Раздался грубый мужской смех — короткий, чужой.

Жизнь продолжалась.

Не её.

Она была здесь случайностью.

Ошибкой.

Пятном, которое ещё не решили — стереть или оставить.

Её горло сжалось.

— Домой, — прошептала она. — Мне нужно домой.

Но слово «домой» больше не имело формы.

Дом в Химках?

Серое утро, бухгалтерия, остывший чай?

Старая дача с облупленными стенами?

Или тот новый, невозможный дом, который она увидела утром после колодца — такой же и не такой?

Она закрыла глаза.

Перед ней всплыло фото.

Валерий.

Молодая жена.

Его счастливая улыбка.

Раньше от этой мысли внутри начиналась привычная, тягучая боль.

Теперь же она показалась странно далёкой.

Будто Арина вспоминала не свою жизнь, а фильм, который смотрела давно, в плохом качестве, на экране старого ноутбука.

И от этого стало страшнее.

Потому что если прошлое уже отдаляется, значит, этот мир начинает занимать место.

Вытеснять.

Забирать её.

Она отступила от окна.

Комната потемнела почти полностью.

За дверью слышались шаги.

Арина замерла.

Сердце сразу ударило в грудь.

Раз.

Другой.

Третий.

Шаги приблизились.

Остановились.

Она перестала дышать.

Но дверь не открылась.

Только что-то тихо скребнуло у порога.

Потом шаги удалились.

Арина выдохнула, только когда поняла, что стояла всё это время, прижав ладонь к горлу.

Смешно.

Ей тридцать два года.

Она пережила развод.
Ипотеку.
Налоговые проверки.
Очереди в МФЦ.
Разговоры с начальником, который думал, что бухгалтерия работает сама по себе.

И теперь она стояла в средневековой замке и боялась шагов за дверью.

Нет.

Не смешно.

Страшно.

Потому что раньше ни один начальник, ни один бывший муж, ни один хам в очереди не мог просто решить, что она теперь принадлежит ему.

А здесь могли.

Через некоторое время дверь всё-таки открылась.

Арина резко отступила.

На пороге стояла женщина.

Невысокая, сухая, в тёмном платье из грубой ткани. Волосы спрятаны под платком. Лицо спокойное, но не мягкое.

В руках она держала деревянный поднос.

На нём — миска, кусок хлеба, глиняная кружка.

Женщина вошла без разрешения.

Поставила поднос на стол.

Посмотрела на Арину.

Не с любопытством.

С оценкой.

Почти так же, как смотрели на рынке.

Только холоднее.

— Ешь, — сказала она.

Арина медленно перевела взгляд на еду.

Запах был простой: похлёбка, лук, что-то жирное.

Желудок неожиданно сжался.

Она не помнила, когда ела в последний раз.

Вино.
Страх.
Вода из фляги.

И всё.

Но гордость, нелепая и бесполезная, поднялась первой.

— Я не голодна.

Женщина даже не моргнула.

— Голодна.

Арина посмотрела на неё.

— Вы откуда знаете?

— Потому что дрожишь.

Слова были сказаны без насмешки.

Просто.

Как факт.

Арина опустила глаза и только теперь заметила: да, пальцы дрожали.

Она сжала их.

Поздно.

Женщина подошла ближе.

— Завтра тебя поведут к распорядительнице.

— К кому?

— К той, кто научит тебя не позориться.

Арина медленно выпрямилась.

— Простите?

Женщина посмотрела на её джинсы, на футболку, на спутанные волосы.

— В таком виде перед королём не стоят.

В груди у Арины вспыхнуло.

Не страх.

Злость.

Горячая, живая.

— Я перед ним вообще стоять не собиралась.

Женщина чуть прищурилась.

— Собиралась или нет — не имеет значения.

— Для меня имеет.

— Здесь не твой мир, девочка.

Арина вздрогнула.

Не от слова «девочка».

От того, как точно оно попало.

Женщина не знала.

Не могла знать.

Но сказала ровно то, от чего под ногами снова исчезла опора.

Здесь не твой мир.

Арина медленно вдохнула.

— У меня есть имя.

— Мне его не говорили.

— Арина.

Женщина повторила:

— Арина.

Без искажения.

Без усмешки.

И от этого почему-то стало чуть легче.

Совсем немного.

— Меня зовут Марта, — сказала женщина после паузы.

— Я служу в нижнем крыле. Сегодня велено принести тебе еду. Завтра — одежду.

— Кем велено?

Марта посмотрела на неё так, будто вопрос был лишним.

— Королём.

Слово снова ударило.

Король.

Как будто камень положили на грудь.

Арина отвернулась.

— Конечно.

Марта молчала.

Потом сказала:

— Не зли его.

Арина резко обернулась.

— А я злю?

— Ты смотришь прямо.

— И что?

— Женщины твоего положения так не смотрят.

— Моего положения? — Арина почти рассмеялась. — А какое у меня положение?

Марта ответила не сразу.

И эта пауза была хуже ответа.

— Непонятное.

— Прекрасно.

— А непонятное здесь долго не живёт.

Тишина после этих слов стала густой.

Арина почувствовала, как злость схлынула.

Оставив после себя холод.

Марта подошла к двери.

— Ешь. Спи. Завтра молчи, если не знаешь, что можно

говорить.

— А если я не хочу молчать?

Женщина остановилась.

Не обернулась сразу.

Потом всё же посмотрела через плечо.

— Тогда учись кричать так, чтобы тебя слышали нужные

люди.

Она вышла.

Дверь закрылась.

Щелчок.

И снова тишина.

Арина долго стояла посреди комнаты.

Потом подошла к столу.

Села.

Посмотрела на миску.

Еда остыла не до конца.

Над ней ещё поднимался пар.

Она взяла ложку.

Деревянную.

Грубую.

Неудобную.

Сделала первый глоток.

Похлёбка оказалась солёной, густой, чуть горьковатой.
И невероятно настоящей.

Она ела медленно.

Каждая ложка словно возвращала её в тело.

В холод.
 В страх.
 В усталость.

В жизнь.

Когда миска опустела, Арина почувствовала, что силы уходят.

Не исчезают.

А проваливаются куда-то глубоко, оставляя после себя тяжесть.

Она легла на кровать.

Матрас был жёстким.

Одеяло — колючим.

Пахло травами, дымом и чужими руками.

Она лежала на спине и смотрела в темноту.

Долго.

Сон не приходил.

Вместо него приходили мысли.

О том, что завтра её будут «учить».

Как сидеть.
 Как говорить.
 Как не смотреть.
 Как быть удобной.

Арина тихо усмехнулась.

Без радости.

Вот оно.

Валерий бы оценил.

Скучная жена из Химок попала туда, где от женщины требуется не быть интересной вообще.

Только послушной.

Только понятной.

Только безопасной.

Она закрыла глаза.

И тут же увидела короля.

Не лицо даже.

Взгляд.

Тяжёлый.
Прямой.
Уверенный.

«Почему ты — нет?»

Его слова вернулись так ясно, будто он произнёс их прямо рядом.

Почему ты — нет.

Арина сжала край одеяла.

Потому что я не хочу.

Потому что я уже слишком долго была удобной.

Потому что меня однажды называли скучной, и я почти поверила.

Потому что если я сейчас согнусь — от меня не останется ничего.

Она открыла глаза.

В темноте комнаты почти ничего не было видно.

Только узкая полоска лунного света на полу.

Холодная.

Серебряная.

Как лезвие.

Арина смотрела на неё и вдруг поняла: плакать не хочется.

Совсем.

Страх был.
 Одиночество было.
 Растерянность

— тоже.

Но слёз не было.

Внутри медленно, осторожно поднималось что-то другое.

Не надежда.

Нет.

Надежда слишком мягкая.

Это было упрямство.

Тихое.

Злое.

Живое.

За окном где-то далеко завыл ветер.

Замок ответил скрипом дерева и глухим стоном камня.

Арина повернулась на бок, подтянула колени к груди.

Её волосы всё ещё пахли сыростью колодца.

Кожа помнила его прикосновение.

Память помнила падение.

А сердце — впервые за много лет — билось так, будто от него что-то зависело.

Она почти уснула под утро.

Не глубоко.

Тревожно.

На границе сна и яви ей почудилось, что снова открыва-

ется дверь.

Что он стоит на пороге.

Молчит.

Смотрит.

И в руке у него не корона, не меч, не приказ.

А её жизнь.

Такая маленькая в его ладони.

Такая хрупкая.

Такая не его.

Арина во сне прошептала:

— Нет...

И сама не поняла, кому говорит.

Ему.

Миру.

Или себе.

Проснулась она от резкого звука.

Дверь открылась без стука.

Свет ударил в глаза.

На пороге стояла Марта.

За ней — ещё две женщины.

Одна держала свёрток ткани.
Вторая — таз с водой.

Лица у всех были серьёзные.

Деловые.

Как у людей, пришедших не помогать, а исправлять.

Марта окинула Арину взглядом.

— Вставай.

Арина села, ещё не до конца понимая, где находится.

Потом вспомнила.

Сразу.

Всё.

Комната.
 Замок.
 Король.
 Ночь.

Её пальцы сами сжались в одеяло.

— Зачем?

Марта поставила поднос на стол.

— Тебя нужно привести в подобающий вид.

Арина медленно посмотрела на ткань в руках другой женщины.

Тёмное платье.
 Грубое.
 Закрытое.

Чужое.

— Нет.

Слово вышло тихо.

Но чётко.

Три женщины замерли.

Марта подняла брови.

— Что значит — нет?

Арина встала с кровати.

Босая.

В мятой футболке.

В джинсах, которые высохли за ночь и теперь неприятно тянули кожу.

Она стояла посреди каменной комнаты — смешная, чужая, уставшая.

Но впервые за всё время не отступила.

— Это значит, — сказала она медленно, — что я сама решу, во что мне одеваться.

Марта смотрела на неё долго.

Потом тяжело вздохнула.

Не зло.

Почти устало.

— Девочка...

— Арина.

— Арина, — поправилась Марта. — Здесь такие слова стоят дорого.

Арина почувствовала, как холод пробежал по спине.

Но не отступила.

— Сколько?

Марта не сразу поняла.

— Что?

— Сколько они стоят?

В комнате стало тихо.

Очень.

И где-то далеко за дверью раздались шаги.

Мужские.

Тяжёлые.

Марта резко обернулась.

Женщины у порога переглянулись.

Арина тоже слышала.

Шаги приближались.

Медленно.

Уверенно.

Слишком знакомо — хотя она слышала их всего однажды.

Её сердце ударило в грудь.

Марта побледнела.

И этого было достаточно, чтобы Арина поняла.

Он.

Шаги остановились за дверью.

Пауза.

Потом низкий голос снаружи:

— Откройте.

Марта мгновенно склонила голову и распахнула дверь.

Король стоял на пороге.

Без короны.

В тёмной одежде.

С лицом, на котором не было ни удивления, ни раздражения.

Только этот взгляд.

Прямой.

Тяжёлый.

Живой.

Он посмотрел на Марту.

Потом на платье в руках служанки.

Потом — на Арину.

На её поднятый подбородок.
 На сжатые пальцы.

На босые ноги.

Пауза стала почти невыносимой.

— Уже спорит? — спросил он спокойно.

Марта опустила голову ниже.

— Государь, она не понимает...

— Понимает.

Он не отводил взгляда от Арины.

— Просто не принимает.

Арина почувствовала, как внутри всё сжалось.

Потому что он был прав.

Слишком точно.

Он вошёл в комнату.

Женщины расступились.

Воздух снова изменился.

Комната стала меньше.

Мир — тише.

Он остановился напротив Арины.

Не слишком близко.

Но достаточно, чтобы она снова почувствовала это давление.

— Ты спросила, сколько стоят такие слова, — сказал он.

Арина молчала.

Он смотрел на неё.

Без улыбки.

— Иногда — жизни.

Тишина.

Слова не были угрозой.

Именно поэтому они прозвучали страшнее.

Арина сглотнула.

— Тогда у вас очень дорогой мир.

Взгляд короля чуть изменился.

Едва заметно.

Но она увидела.

Интерес.

Снова.

Он сделал шаг ближе.

— Нет, Арина.

Её имя в его голосе прозвучало иначе.

Тяжелее.

Личнее.

— Просто в твоём мире тебе позволяли думать, что свобода ничего не стоит.

Она резко вдохнула.

Слова попали слишком глубоко.

Потому что там, в её мире, свобода тоже стоила.

Просто иначе.

Одиночеством.
 Ипотекой.
 Усталостью.

Страхом снова оказаться ненужной.

Король смотрел так, будто видел, как эта мысль прошла по её лицу.

И это злило.

Пугало.

Обнажало.

— Оденсья, — сказал он. — Сегодня ты будешь учиться.
Арина медленно подняла подбородок.

— А если я откажусь?

Он молчал несколько секунд.

Потом ответил:

— Тогда я узнаю, где заканчивается твоё упрямство.

Пауза.

— А ты узнаешь, где начинается моя власть.

И вот теперь ей стало по-настоящему холодно.

Потому что за этими словами стояла не злость.

Не желание наказать.

А уверенность человека, который никогда не сомневался
в результате.

Он развернулся к двери.

Но перед тем как выйти, остановился.

Не глядя на неё, произнёс:

— Не ломай себя напоказ, Арина.

Она замерла.

Он всё же повернул голову.

И посмотрел прямо.

— Здесь любят смотреть, как ломаются.

После этого он вышел.

Дверь осталась открытой.

Марта стояла бледная, неподвижная.

Служанки молчали.

Арина смотрела в проём, где он только что исчез.

Сердце билось часто.

Слишком.

Внутри было всё: страх, злость, унижение, бессилие.

И ещё — то самое страшное чувство.

Понимание.

Он не просто угрожал.

Он предупреждал.

И почему-то это пугало сильнее угрозы.

Марта тихо сказала:

— Теперь ты понимаешь?

Арина медленно повернулась к ней.

Голос вышел глухим.

— Нет.

Она взяла платье из рук служанки.

Ткань оказалась тяжёлой.

Шершавой.

Чужой.

— Но начинаю.

Конец главы 10

ГЛАВА 11

Платье пахло травами, дымом и чужим сундуком.

Арина держала его в руках и смотрела на грубую тёмную ткань так, будто перед ней было не платье, а приговор, сложенный в несколько тяжёлых складок.

Чужая одежда.

Чужой мир.

Чужая роль.

И всё это ей предстояло надеть на себя.

Не потому что захотела.

Потому что так велели.

Марта стояла рядом, не торопя. Только смотрела — внимательно, сухо, почти безжалостно. Но в этой безжалостности не было злобы. Скорее усталость женщины, которая слишком давно жила среди правил и знала: кто не согнулся вовремя, того сгибали силой.

— Снимай это, — сказала она, кивнув на джинсы и футболку.

Арина подняла глаза.

— Я сама.

— Никто и не собирается тебя раздевать.

Одна из служанок тихо фыркнула, но сразу замолчала под взглядом Марты.

Арина стиснула зубы.

Ей хотелось бросить платье на пол. Хотелось сказать, что они все сошли с ума, что она не обязана, что у неё есть права, свобода, паспорт, документы, работа, жизнь, чёрт возьми.

Но каждое привычное слово рассыпалось здесь в пыль.

Паспорт?

Смешно.

Права?

Кому предъявлять?

Свобода?

Вот она стояла босая на холодном каменном полу, в комнате с узким окном и дверью, которую открывали не для неё, а над ней.

Свобода осталась где-то там.

За колючим.

За темнотой.

За той последней ночью, когда она стояла с бутылкой вина и кричала в пустоту, что Валерий козёл.

Арина вдруг почти физически почувствовала вкус вина на языке.

Тёплого. Резкого. Жалкого.

И стало странно горько.

Не из-за Валерия.

Из-за себя.

Как далеко нужно было упасть, чтобы проснуться здесь?

— Быстрее, — сказала Марта. — Вода остынет.

Арина перевела взгляд на таз.

Пар уже почти не поднимался.

Вода была мутноватая, с плавающими на поверхности травами. Вторая женщина держала чистую тряпицу. Третья всё ещё смотрела на джинсы Арины так, будто перед ней была вещь из легенд.

— Что? — не выдержала Арина.

Девушка вздрогнула.

Совсем молодая. Может, лет семнадцать. Рыжеватые волосы выбиваются из-под платка, глаза круглые, испуганные и любопытные.

— Ничего, миледи.

— Не называй меня так.

Девушка побледнела, будто Арина ударила её.

Марта резко сказала:

— Лия.

Та опустила глаза.

Арина выдохнула.

— Я не хотела... — начала она и осеклась.

Не хотела чего?

Напугать?

Сделать хуже?

Здесь даже простая просьба звучала как нарушение порядка.

Она медленно отвернулась.

— Хорошо. Повернитесь.

Марта скрестила руки на груди.

— Мы женщины.

— А я сказала — повернитесь.

Тишина.

На секунду Арина решила, что сейчас снова будет спор. Что Марта произнесёт очередное «здесь так не делают», «тебе велено», «ты не понимаешь».

Но Марта вдруг чуть прищурилась.

Потом коротко кивнула служанкам.

— Отвернитесь.

Лия и вторая женщина послушно повернулись к стене.

Марта осталась стоять боком.

Арина хотела возмутиться, но сил не было.

Она сняла футболку быстро, почти зло, как будто ткань была виновата во всём. Потом принялась за джинсы.

И тут началось унижение.

Мокрые вчера, высохшие за ночь, они сели туго. Ткань цеплялась за кожу, тянула, не поддавалась. Арина пыталась стянуть их с себя быстро и достойно, но достойно не получалось. Она едва не потеряла равновесие, ухватилась за край стола, слышала за спиной еле слышный вдох Лии — и почувствовала, как к лицу приливает жар.

Господи.

Она, тридцатидвухлетняя женщина, бухгалтер из Химок, разведённая, взрослая, привыкшая сама решать, когда платить ипотеку и какого мастера вызвать для ремонта, стояла в средневековой замке и боролась с собственными джинсами

под молчаливым присмотром служанок.

Если бы не было страшно, было бы смешно.

Но смешно не было.

Когда джинсы наконец соскользнули вниз, Арина быстро переступила через них и потянулась к платью.

— Сначала вымойся, — сказала Марта.

— Я мылась вчера.

— В колодце?

Арина застыла.

Марта смотрела спокойно.

Без насмешки.

Но слова всё равно ударили.

Да. В колодце. В чужом мире. По пояс в ледяной воде, после падения, которое не должно было оставить её живой.

Арина молча взяла тряпицу.

Вода была тёплой, но неприятно чужой. Она обтирала шею, руки, плечи, стараясь не думать о том, что на неё могут смотреть. Стараясь не чувствовать собственного тела — уставшего, напряжённого, слишком настоящего.

Но тело чувствовалось.

Каждый синяк.

Каждая царапина.

Красный след от верёвки на запястьях.

Ссадина на колене.

Царапины на ладонях от камней колодца.

Марта вдруг шагнула ближе.

— Покажи руки.

Арина насторожилась.

— Зачем?

— Покажи.

Она нехотя протянула ладони.

Марта взяла их — неожиданно аккуратно. Её пальцы были сухими, шершавыми, крепкими. Она осмотрела ссадины, царапины, следы.

— Лия, мазь.

Рыжая девушка тут же подала маленькую глиняную баночку.

Арина попыталась убрать руки.

— Не надо.

— Надо.

— Я сказала...

— А я слышала.

Марта подняла на неё взгляд.

— Ты можешь спорить с королём, если тебе мало страха. Со мной не трать силы. Я лечу.

Слова прозвучали так твёрдо, что Арина замолчала.

Мазь пахла смолой и горькими травами. Щипала. Сильно.

Арина поморщилась.

Марта заметила, но ничего не сказала.

— Почему вы помогаете? — тихо спросила Арина.

Вопрос вырвался сам.

Марта замерла на мгновение.

Потом продолжила мазать ссадину.

— Потому что велено.

— Только поэтому?

Пауза.

— Разве этого мало?

Арина посмотрела на неё.

В этом мире — да. Возможно, достаточно. Возможно, велено — это и есть причина, судьба, закон, смысл.

Но она всё ещё не могла к этому привыкнуть.

— А если бы не велели?

Марта закрыла баночку.

— Не задавай вопросов, на которые не хочешь услышать ответ.

Арина молча опустила руки.

Поняла.

И всё равно внутри неприятно сжалось.

Платье оказалось тяжёлым.

Не красивым.

Не тем, что рисуют на обложках романов: воздушным, изящным, подчёркивающим талию и превращающим героиню в загадочную красавицу.

Нет.

Это была вещь для порядка.

Для контроля.

Плотная нижняя рубаха, длинная, до щиколоток. Сверху — тёмное платье из грубой ткани, закрывающее руки почти

до кистей. Шнуровка на груди. Узкий пояс. Ткань царапала кожу на шее и запястьях.

Арина чувствовала себя не одетой.

Упакованной.

Спрятанной.

Приговорённой к скромности.

— Слишком туго, — сказала она, когда Марта затянула шнуровку.

— Так надо.

— Кому надо?

— Всем, кто будет на тебя смотреть.

Арина резко обернулась.

— Пусть не смотрят.

Марта встретила её взгляд без улыбки.

— Они будут.

Просто.

Жёстко.

Без иллюзий.

Арина отвернулась первой.

Ей снова захотелось домой.

Не в Химки даже.

А просто туда, где женщина могла надеть джинсы и не стать предметом обсуждения целой площади.

Хотя...

Она горько усмехнулась про себя.

В её мире тоже смотрели.

Тоже оценивали.

Только называли это иначе.

«Ухоженная».
«Запустила себя».
«Слишком строгая».
«Слишком простая».
«Скучная».

Мир менялся.

Взгляды — нет.

Когда её волосы попытались спрятать под покрывало,
Арина наконец вспыхнула.

— Нет.

Лия вздрогнула.

Марта устало прикрыла глаза.

— Опять?

— Волосы оставьте.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что незамужняя женщина с распущенными волосами...

— Я была замужем.

Слова вылетели резко.

И повисли между ними.

Марта открыла глаза.

Лия подняла взгляд.

Вторая служанка тихо охнула.

Арина сама не ожидала, что скажет это. Ещё меньше ожидала, что внутри кольнёт так остро.

Была.

Прошедшее время.

Была женой.

Была удобной.

Была «хорошей, но скучной».

Марта медленно спросила:

— Твой муж умер?

Арина усмехнулась.

— Нет. К сожалению, жив и счастлив.

Женщины переглянулись.

Марта нахмурилась.

— Он отпустил тебя?

Арина не сразу поняла.

— Что?

— Твой муж. Он отпустил тебя?

Вопрос был таким искренним, таким чудовищно естественным, что Арина замерла.

Отпустил.

Не «вы развелись».
Не «вы разошлись».
Не «ты ушла».

Отпустил.

Как вещь.

Как скот.

Как служанку.

— Я сама ушла, — медленно сказала Арина.

Это было не совсем правдой.

Он ушёл первым.

Но сейчас ей нужно было сказать именно так.

Для себя.

Марта смотрела на неё долго.

— В твоём мире женщины уходят сами?

— Да.

Ответ прозвучал слишком тихо.

Почти неуверенно.

И Арина разозлилась на себя за это.

— Да, — повторила она громче. — Уходят. Работают. За-
рабатывают. Покупают дома. Живут одни, если хотят.

Лия смотрела на неё широко раскрытыми глазами.

Вторая служанка перекрестилась каким-то своим знаком.

Марта не двигалась.

— И мужчины это позволяют?

Арина почти рассмеялась.

— Не всегда. Но это их проблемы.

Теперь тишина стала другой.

Плотной.

Опасной.

Марта медленно подошла ближе.

— Никогда не говори это при посторонних.

— Почему?

— Потому что за такие слова тебя могут принять не за
безумную чужеземку, а за опасную.

Арина сжала губы.

Опасную.

Это слово странно отозвалось внутри.

Не испугом.

Нет.

Чем-то другим.

Чем-то почти горько-сладким.

В её мире она была скучной.

Здесь могла стать опасной.

Какая нелепая, страшная справедливость.

— А королю можно это говорить? — спросила она.

Марта резко посмотрела на неё.

— Особенно ему нельзя.

— Почему?

Марта понизила голос:

— Потому что он слушает.

От этих слов по спине Арины медленно прошёл холод.

Он слушает.

Да.

Она уже поняла.

Король не просто смотрел. Не просто приказывал. Он ловил каждую трещину, каждое сопротивление, каждое лишнее слово.

И складывал.

Как бухгалтер складывает цифры в таблице.

Только он считал не деньги.

Он считал её.

Её повели через коридоры вскоре после того, как волосы

всё-таки заплели.

Не спрятали полностью — Арина настояла хотя бы на этом, и Марта после долгого молчания позволила толстую косу, уложенную на плечо. Маленькая победа.

Смешная.

Почти жалкая.

Но её.

Они шли не в тронный зал.

В другую часть замка.

Там пахло сильнее: дымом, жиром, влажной шерстью, пеплом. По коридорам сновали люди. Женщины с корзинами. Мальчишки с охапками дров. Мужчины в грубой одежде, которые сразу опускали глаза при виде Марты, но всё равно успевали взглянуть на Арину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.